

С И Р О Т К А .

А Л Ъ М А Н А Х Ъ

Н А

1831 ГО Д Ъ .

СИРОТКА.

СИРОТКА.

Дюманакъ,
въ пользу Забеденія Приютнїя Сиротъ.

1831.

СИРОТКА,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ

НА 1831 ГОДЪ,

ИЗДАННЫЙ

ВЪ ПОЛЬЗУ ЗАВЕДЕНІЯ ПРИЗРѢНІЯ

БѢДНЫХЪ СИРОТЪ.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ шѣмъ, чшобы по ошпечашаніи представ-
лено было въ Цензурный Комишешъ при
экземпляра. Москва, 1831 Января 11 дня.

Ценсоръ Серебй Аксаковъ.

С Г Л А В Л Е Н І Е.

П Р О З А.

	<i>Стр.</i>
Письмо изъ Москвы.....	1
Торжешво Вѣры, Д. Баншышъ Каменскаго	13
Ошсшупленіе Французск. Арміи, Ѡ. Глинки	23
Ошривки изъ Пис. изъ-за границы, Сомова	40
Взяшіе Кіева и осада Новгородъ., Н. Полеваго	56
Прогулка въ окрешносшяхъ Москвы * *	88
* * * Н. Иванчина Писарева.....	108
Пешрусъ, Малороссійск. анекд. Погодина....	120
Долина Мершвецовъ (ошрив.) Ложечников.	152
Теорія поклоновъ, В. Андроссова.....	210

С Т И Х И.

<i>Баратынскаго:</i> Лазурныя очи.....	21
<i>Вельтмана:</i> Чудная болѣзнь.....	54
Лагерныя карпины.....	206

	<i>Стр.</i>
<i>Вяземскаго :</i>	Два Ангела.....193
<i>Глинки Ѡ. Н. :</i>	Буря.....37
	Карафинъ-Зеркало..... 51
	Всемогущесшво..... 80
	Поѣздка при свѣшѣ мѣсяца87
	Къ N.....117
<i>Глинки С. Н. :</i>	Сирошка..... 238
<i>Горсакова Вл. :</i>	Не въ словеси а силѣ.....202
<i>Глѣбова Дм. :</i>	Къ Аб. Сер. Норову.....149
<i>Козлова :</i>	Фіорина..... 83
	Элегія..... 112
<i>Лихонина :</i>	Опрывокъ изъ Фаусша....52
	Пророчесшво..... 99
<i>Новикова Д. :</i>	Пѣсня.....81
<i>Ознобишина :</i>	Спящій малюшка..... 138
	Дума..... 196
	Просши 236
<i>Пушкина А. С. :</i>	Мадона..... 19
	Новоселье..... 39

<i>П. П. :</i>	Вдохновеніе.....	141
<i>Рауса :</i>	изъ Пешрар. Canzone XIV.	101
* * * <i>ва :</i>	Романсъ.....	147
<i>Степанова :</i>	Край полуночи.....	200
<i>Трилуннаго :</i>	Молишва.....	139
<i>Тютчева ;</i>	изъ Вильгельма Мейспера	198
<i>Шевырева :</i>	Педаншамъ Изыскашелямъ	85
<i>Шишкова А. :</i>	Ошривокъ изъ Шиллера	230
<i>Якубовича :</i>	Пожаръ.....	107
* * *	Сстихи при осправленіи щишья.....	118

СИРОТКА.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ
О
ЗАВЕДЕНИИ ПРИЗРѢНІЯ ВѢДНЫХЪ
СИРОТЪ.

Не горюй обо мнѣ и о всѣхъ швоихъ знакомыхъ, кошорые, во время жестокой болѣзни, подвергались большой опасности; холера, благодаря Всевышняго, почти совсѣмъ прекрашилась. Признашельный къ швоему дружескому учасію въ судьбѣ моей, я впрочемъ, не могу не пожалѣшь и о шебѣ: мы,

жишели Москвы, болѣе двухъ мѣсяцевъ находящіяся между страхомъ и надеждою, какъ за себя такъ и за другихъ, счастливѣе васъ, иногородцевъ, во многихъ отношеніяхъ. Ты, напримѣръ, былъ ли свидѣтелемъ, съ какимъ рвеніемъ друзья челоѳчества бросающіяся на помощь ближнимъ? Знаешь ли, съ какою гошевносцію они жершвуютъ имуществомъ и жизнью — бѣднымъ согражданамъ?... Нѣтъ, слѣдовашельно ты многого лишился. Умалчивая о всѣхъ подвигахъ, истинно Христіанскаго челоѳколюбія, хочу погово-ришь съ тобой объ одномъ, кошорый ближе къ швоему сердцу: о *Заведеніи призрѣнія бѣдныхъ сиротъ* (въ особенносши лишившихся родителей отъ холеры), сосшоящемъ подѣ непосредсшвеннымъ начальсшвомъ Князя Павла Павловича Гагарина, — челоѳка, измѣряющаго время жизни своей дѣла-

ми любви къ ближнимъ ; не смотря на важныя должності, имъ ошправляемыя, и на многія заняшія, съ оными сопряженныя, добродѣшель всегда находишь въ немъ ревностнаго себѣ поборника. Ты самъ сирота: въ раннихъ лѣтахъ юности лишился ты матери, знаешь, какъ нужны заботливосшь и родныя ласки для слабаго, дѣтскаго возраста, а пошому, лучше другихъ, можешь поспигнуть важносшь Заведенія, цѣль котораго *доставить* *неимущимъ* *сиротамъ*, съ самаго младенчества до 13 лѣтняго возраста, убѣжище, здоровую пищу, необходимую одежду и первоначальное воспитаніе, сообразное еѣ лѣтати и предварительнымъ ученіемъ, по сословію каждаго. Правила приняшія дѣшей въ сіе Заведеніе, срочное существованіе онаго, средсшва употребляемыя для доставленія оному возможнаго совершенсшва, которое бы вполнѣ

соошвѣшствовало усердію благошвори-
 шелей, не считаю нужнымъ описы-
 вать: все это извѣстно изъ официаль-
 ныхъ вѣдомостей. Положенный ком-
 плектъ дѣшей состоишь изъ 40, но
 вскорѣ сіе число оказалось недоста-
 точнымъ и не удивительно: чего бо-
 лѣе въ мірѣ: счастья или несчастья,
 нужды или изобилія, сиротства или
 пріюта? . . .

Но шѣмъ ушѣшительнѣе привѣшь
 милости, скорбь и нужду облегчаю-
 щей; шѣмъ достойнѣе рука помощи,
 въ оспраду сироты подвѣшая. Благодѣ-
 шельныя, почешныя дамы, основашель-
 ницы Заведенія, сокрывъ имена свои
 ошъ взоровъ признашельности, не-
 скрыли благихъ подвиговъ ошъ Того,
 кшо Самъ нѣкогда благословлялъ дѣ-
 шей: молишва невинности, въ ушахъ
 малюшокъ, уже повѣдала Всевышнему о
 шайной жершвѣ, для нихъ принесенной.

Сначала принимали всѣхъ сиротъ вообще; теперь остались только дѣши, лишившіяся отца или матери: совершенные же сироты отправляются въ особенное заведеніе, щедрошами Государя Императора при Воспитательномъ домѣ учрежденное. Я знаю двухъ, кошорые горько плакали, расставаясь съ своими товарищами и шеря, въ лицѣ Князя, добраго Покровителя: такъ сильна привязанность дѣшскаго сердца, въ нѣжной помощи увѣреннаго, чувствомъ благодарности проникнушаго.

Оспринувъ расчеты самолюбія и дѣйствуя въ духѣ истинной добродѣтели, Начальникъ и Основательницы Заведенія обращающа сѣ сиротами ласково, родительски, не требующъ отъ нихъ рабскаго повиновенія и страха, не выказывающъ имъ своего права на вѣчную признашельность: всегдашнее на-

поминаніе добра, для нихъ сдѣланнаго, поселило бы въ сердцахъ дѣшей хладную, недовѣрчивую боязнь, не внушивъ должной любви къ благошворителямъ. И безъ того малюшки весьма хорошо понимающъ, что бы было съ ними и что они теперь; имъ извѣстно различіе между вѣрнымъ присланищемъ и горькою безпріютностію, — и надобно посмотришь *одинъ только разъ*, чтобъ *навсегда* убѣдился, какъ сильна ихъ привязанность, какъ постоянна благодарность къ лицамъ, успроившимъ ихъ счастье и замѣнившимъ родителей. Когда сіи благодарнѣйшія особы берутъ на колѣна къ себѣ дѣшей, съ нѣжною заботливостію спрашиваютъ ихъ о здоровьѣ, успѣхахъ въ ученіи, о забавахъ, ласкаютъ ихъ, и когда дѣши, чувствительныя къ одолженіямъ, плачутъ за любовь любовію, стараются

выразить, по своему, сердечное удовольствие; тогда не ясно ль я вижу, какъ горе и нужда облегчаюся въ объяшяхъ челоѡколюбя? . . .

Судьба сиротъ возбудила участие многихъ особъ: одни изъ нихъ жершвовали деньгами, другіе приняли на себя выполнение порученій и письменныхъ дѡлъ по сему Заведенію, прешьи вызвались сморѡшь за здоровьемъ дѡшей и доставляшь для сего все пошребное, иные снабдивъ Заведеніе досташочнымъ количествомъ книгъ, изъявили желаніе и впредь ежегодно доставляшь оныя; наконецъ нѡкошорые пожелали обучашь дѡшей безмездно: въ семъ числѡ нахожусь и я. Мнѡ шѡмъ пріяшнѡе было приняшь эшу обязанность, что между сиротами, приняшыми въ Заведеніе, встрѡшилъ дѡшей добраго моего учителя. Ты, можешъ бышь, скажешъ, что эша при-

чина несправедлива, что истинная горшность служишь добру не смопришь ни на какія отношенія; но согласись, по крайней мѣрѣ, что подобное приспрасше извинишельно.

Въ Заведеніи, коего сущесшвованіе ограничено, главная цѣль ученія сошоишь въ томъ, чтобы учащіяся оказали наиболѣе успѣховъ и чтобы ученіе дѣшей по возможности развило первыя ихъ способности: вошь почему совершенное уравненіе въ ученіи невозможно. Для выполнения сей обязанности отъ учителя шребующся: спараніе и особеннсть въ способѣ преподаванія. Не говоря о дѣшскихъ качесшвахъ ума, копорыя у однихъ развивающся прежде, у другихъ — послѣ; скажу шолько, что всѣ дѣши, безъ исключенія прилѣжны, обращающъ вниманіе на уроки, *не стараются лѣниться*, какъ миѣ случалось видашь въ другихъ мѣсшахъ,

давно успроенныхъ. — Раннее ли горе жизни показало имъ необходимость искашь въ заняшяхъ облегченія сирощства, или чувства благодарности заставили ихъ дорожить попеченіями благодѣшелей, не знаю; но я до сихъ поръ еще не имѣлъ повода на нихъ сѣшовашъ. Ощдавъ справедливосшь дѣшямъ, не стану упоминашь о прилѣжаніи учешелей. Добрая воля лучше всего говоришь въ пользу искренняго сшаранія; а при взаимномъ усердіи учащихъ и учащихся шрудно ли дошгнушь желаемаго? ... Способъ преподаванія вездѣ и всегда долженъ бышь одинъ и шощъ же: *чтобы дѣти не столько твердили наизусть, сколько понимали преподаваемое*; если имъ, въ шеченіи времени, при обѣясненіи уроковъ, докажешся превосходшво разсужденія предъ памяшью, если они полюбяшь заняшіе ума лучше работы меха-

нической, по успѣхи будущѣ надежны и довѣренность къ учишело оправдана. Не маловажное дѣло распредѣлишь часы ученія такъ, чтобы, въ продолженіи класса, время для нихъ не пропало. Различіе въ предварительномъ образованіи дѣшей заставили поступить не по обыкновенному способу преподаванія всѣмъ вмѣстѣ, — и пошому я шолкую урокъ каждому изъ нихъ поодиначкѣ, а другіе, между шѣмъ, не шеряя времени, подѣ руководствомъ старшихъ и прилѣжнѣйшихъ дѣшей, занимающихся чшеніемъ, шребующимъ пракшического навыка: пусть они, съ малыхъ лѣшъ привынають къ необходимости помогать другъ другу.

Жаль, что въ письмѣ не лзя всего высказать; еще прискорбиѣе, что ты не можешь бышь свидѣшелемъ шѣхъ минушъ, которыя провожу я съ дѣшми: еслибъ ты видѣлъ ихъ, скром-

ныхъ и милыхъ ; еслибъ ты зналъ, съ какою радостію встрѣчаютъ они своего учителя , съ какимъ стараніемъ пригошворяютъ уроки ; то, въ первый разъ въ жизни, ты бы мнѣ позавидовалъ, и я, въ первый разъ въ жизни, извинилъ бы твою зависть.

Но дѣтскій возрастъ исчезнетъ какъ мечта ; скоро, незамѣтно пройдутъ годы, — и малюшки, съ запасомъ полезныхъ свѣденій, съ твердымъ основаніемъ нравственности, съ вѣрнымъ направленіемъ умственныхъ способностей, изыдутъ на трудное поприще жизни. Будутъ ли они счастливы, или...? Но для чего предположеніемъ горестей возмущать спокойствіе дѣтей, и безъ того огорченныхъ? Дай Богъ, чтобы потеря родныхъ была ихъ послѣдней печалью и чтобы всѣ дни ихъ текли въ безпечной радости : они будутъ счастливы, если соеди-

няшѣ благоразуміе съ швердосшію души и доброшою сердца; еслижѣ неисповѣдимыя судьбы обрекушѣ ихѣ на спраданіе, шо въ свяшой Вѣрѣ найдутѣ и ошраду и ушѣшеніе. Какѣ бы ни было, мнѣ пріятно воображашѣ, что участіе, нами принятое, не погибнешѣ даромѣ, что спаранія наши падають не на безплодную землю; но принесутѣ вѣрную пользу дѣшамѣ въ жизни ихѣ: веселой ли, омраченной ли прискорбіемѣ. Оша надежда лучшее воздаяніе за малые шруды мои, въ настоящемѣ времени.

А. Галаховѣ.

ТОРЖЕСТВО ВЪРЫ,

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ.

Князь Владимірѣ Сергѣевичѣ Долгорукий, въ чинѣ Полковника, былѣ определенѣ чрезвычайнымѣ Посланникомѣ къ Прусскому Двору 18 Ноября, 1763 года. Назначеніе Екатерины II Долгорукаго къ Фридриху Великому, не менѣ славному на полѣ брани, какѣ ловкому, искусному, хитрому въ дѣлахѣ дипломатическихѣ — служишѣ доказательствомѣ, что избранный Ею вмѣщалѣ въ себѣ всѣ достоинства, долженствующія украшать предшавишеля могущественной Монархини. Князь Владимірѣ Сергѣевичѣ заслужилѣ оказанное ему предпочтеніе: приобрѣлѣ

любовь, особенную довѣренность Короля. Находясь въ Россіи, ушѣшалъ себя умною, занимательною бесѣдою Фридриха и перепискою съ роднымъ брашомъ своимъ, Княземъ Петромъ Сергѣевичемъ. Тѣснѣйшая дружба соединяла ихъ даже въ самой разлукѣ, не смѣря на разнообразныя мысли относительно Религіи. Тщешно послѣдній старался склонить на свою сторону любимаго имъ брата; увѣрялъ его: что онъ находится въ заблужденіи; что безъ истинной вѣры, нѣтъ блага на землѣ, не лзя бытъ добродѣтельнымъ; что она ушѣшаетъ насъ въ бѣдствіяхъ; удерживаетъ порывы спрасей; напоминаетъ намъ нашу ничтожность въ дни счастія кратковременнаго; соушешвуетъ въ лучшую жизнь, гдѣ каждому воздается по дѣламъ его и у самыхъ дверей гроба шоржешвуетъ надъ ужасами смерти.

Князь Владимірѣ Сергѣевичѣ смѣялся надъ убѣжденіями брата: читалъ ему любимыя мѣста изъ Волтера, Дидеротта, Даламберта, самаго Фридриха, котораго богощворилъ и, въ Отечествѣ, продолжалъ наполнять письма свои ссылками на новѣйшихъ философовъ, причинившихъ неизгладимое зло современникамъ и потомству. — Можно предсказать себѣ разговоръ двухъ вольнодумцевъ! Однажды Князь Долгорукій, возвращаясь поздно отъ Короля и чувствуя сильную усталость, раздѣлся на скоро, бросился въ кровать, немедленно уснулъ. Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то отдергиваетъ его занавѣсъ, приближается къ нему и хладная, оледенѣвшая рука прикасается къ рукѣ его, жметъ оную. Онъ смотритъ и видитъ брата своего; слышитъ слова, имъ произнесенныя: *вѣрь!* — Обрадованный, восхищенный

неожиданнымъ явленіемъ Долгорукій пробуждается, хочешъ бросишься въ объятія друга единокровнаго, гошовишься прижаешь его къ сердцу, раскаленному любовью — какъ вдругъ мечта исчезаетъ; онъ отворяетъ дверь въ другую комнату, пробѣгаетъ по всему дому, будитъ служителей; спрашиваетъ у каждаго: »Гдѣ братъ мой? куда онъ дѣвался?« — удословляешься, что видѣнное имъ ничто иное, какъ сонъ, игра воображенія: но слово: *вѣрь* — продолжаешь раздаваться въ ушахъ его, не даешь ему покоя! На другой день Фридрихъ узнаешь причину печали Министра Россійскаго; смѣешься надъ нимъ, стараешься утѣшить и успѣваешь. Однакожъ Долгорукій записалъ въ памятной книжкѣ случившееся происшествіе; означилъ число, часъ, минушу.... И каково было изумленіе его, когда первыя вѣ-

спи изъ Россіи сообщили ему кончину брата, послѣдовавшую въ шохъ самый день и часъ, въ ту самую минушу! По видимому Провидѣніе желало и въ будущей жизни не разлучать двухъ братьевъ, дружбою соединенныхъ! Истинная вѣра водворилась съ того времени въ сердцѣ ошсшупника; живѣйшее раскаяніе заступило мѣсто пагубнаго изсшупленія.

»Молодые люди — говорилъ подъ спарость Князь Владиміръ Сергѣевичъ, возвращаясь въ ошчизну — »вошъ »что послѣдовало со мною. Всемогущій сжалился надъ моимъ заблужденіемъ; извелъ меня изъ пропасти. Берегись попасься въ оную; не чишайше книгъ соблазнительныхъ. Примѣръ мой да послужи въ вамъ поученіемъ. Безъ благочеспія нѣтъ счастья на землѣ; не найдеша онаго и въ будущей жизни.« —

Любопытный анекдотъ сей переданъ
миѢ, нѣскольکو лѣшъ тому назадъ,
Г. Сенапоромъ Ивановъ Машвѣвичемъ
Муравьевымъ-Апостоломъ, къ кошо-
рому, въ числѣ многихъ, обращалъ свои
нашавленія Князь Долгорукій.

Дмитрій Бантышъ-Каменскій.

Декабря 22-го

1330.

М о с к в а .

М А Д О Н А.

(С О Н Е Т Ъ.)

Не множесшвомъ каршинъ сшаринныхъ мас-
 шеровъ
 Украсишь я всегда желалъ свою обишель,
 Чшобъ суевѣрно имъ дивилса посѣшишель,
 Внимаю важному сшужденью знашюковъ.

Въ просшомъ углу моемъ, средъ медленныхъ
 шрудовъ,
 Одной каршины я желалъ бышь вѣчно зришель,
 Одной: чшобъ на меня съ холсша иль съ обла-
 ковъ
 Пречисшяя и нашъ божесшвенный Спасишель—
 —Она съвеличїемъ, Онъ съ Разумомъ въ очахъ—

Взирали, крошкіе, во славѣ и въ лучахъ ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, шебя, моя Мадона ,
Чистѣйшей прелесши чистѣйшій образецъ.

А. Пушкинъ.

ЛАЗУРНЫЕ ОЧИ.

Люблю я красавицу
Съ очами лазурными :
О , въ нихъ не обманчиво
Душа ея свѣшпшся !
И если прекрасная
Съ любовію шомною
На миломъ покоишь ихъ ,
Онъ мирно блаженшвуешъ ;
Во вѣкъ не смушишь его
Сомнѣнье мяшежное,
И кшо не довѣришься
Сіянью ихъ чиспому
Эфирной ихъ прелесши ,
Небесной души ея
Небесному знаменью ?

Спрашна мнѣ друзья мои
Краса черноокая :
За шемной завѣсою
Душа ея кроешся.
Любовникъ пылаешъ къ ней
Любовью превожною
И взорамъ двусмысленнымъ
Не смѣешъ довѣришься.
Какой - шо не добрый духъ
Качаль колыбель ея!
Одѣлася шмой она
Вспылила причудою ,
Закралося въ сердце къ ней
Лукавство лукаваго !

Е. Баратынскій.

ОТСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ

И

ПОХОДЪ НА ВЯЗЬМУ.

14 Октября, на другой день послѣ страшнаго боя и пожара при Маломъ Ярославцѣ, когда прекрасное осеннее солнце разрѣдило дымъ и шуманы надъ городомъ, сраженіе опять возобновилось. Большая Россійская армія отступила уже на Калужскую дорогу. Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ занималъ холмистое поле подлѣ самаго города. На высокомъ лѣсисмомъ курганѣ, коронованномъ башареею, стоялъ, опершись на саблю, Генералъ, имѣвшій осанливый видъ Гомерическихъ героевъ, въ проспой калмыцкой буркѣ, съ че-

ломъ, на кошоромъ дружились дума и мужество: это былъ А. П. Ермоловъ! Съ эшаго кургана началась пальба, въ ошвѣщъ на непріятельскую. Мало по малу дѣло завязалось. Ядры сновали по воздуху, пролѣвая надъ головами конныхъ полковъ и пѣхоты, построеной въ ложбинѣ или разсѣянной по кустарникамъ. Французскіе сирѣлки неоспорочно ошдѣблились ошъ своихъ; наши гусары обрѣхали ихъ боковымъ оврагомъ и, захватя въ плѣнъ, пригнали шолпою къ своей линіи. Дѣло — не важное — продолжалось, обыкновеннымъ порядкомъ, до половины одиннадцатаго часа. Въ это время вдругъ все зашихло. Французы пересшали сирѣляшь, наши шоже. Но въ половинѣ 12 (досшопамяшное получасіе досшопамяшнаго времени!) Одна половина непріятельскаго шпроя (кошорый прошивъ солнца, какъ рядъ зеркалъ, блисшаль свои-

ми нарядными лахами) вдругъ какъ будто ошломилась и пошянулась назадъ. » Ошшупаюшъ! ошшупаюшъ! « закричали у насъ со всѣхъ споронъ и засуешились по всей линіи. Въ самомъ дѣлѣ Донцы, наклонясь на седлахъ и понизивъ копья, скакали во весь опоръ съ извѣстіемъ, что *непріятель въ полномъ отступленіи.*

*

... На проселочной дорогѣ, ведущей въ Медынь (ибо Французы ошшупали на Медынь и Боровскъ, къ Можайску) и Гжашску) въ маленькой деревушкѣ сидѣли въ опустѣлой кресьянской избѣ Генералы Милорадовичъ, Корфъ, и Ермоловъ и Полковники: Пошемкинъ и Сиягинъ. Одинъ изъ адьюшаншовъ Милорадовича — Киселевъ, возвратившійся изъ Москвы, куда посылали его съ сошнею козаковъ для развѣдыванія, привелъ съ собою Русскаго кресьяни-

на, занимавшагося ямскою гоньбою. Полковникъ Пошемкинъ — тогдашній начальникъ Авангарднаго шшаба—распрашивая его записывалъ мѣста, чрезъ кошорья можно бы пройти прямо и неожиданно (косвеннымъ маршемъ) на Вязьму. По окончаніи распроса, кто то сказалъ кресшьянину: »какъ ты думаешь; что намъ *теперь* дѣлать съ Французами? « Кресшьянинъ, размысливъ отвѣчалъ: »Французъ шелъ по » шолбовой дорогѣ, какъ люшый вепрь, » все грабя и пожигая за собою; теперь онъ бѣжитъ: не давайше ему, » башюшка! кормишься на *сытой доро-* » *гѣ*, сполкнише звѣря на голодную, » а сами спупайше краешкомъ на прям- » ки по *сышымъ мѣстамъ*: пусть око- » лѣваешъ съ голоду ~~и холоду!~~ « Эша мысль здравая, шрезвая, извлеченная изъ существа обстоятельствъ, поразила всѣхъ. Эшо была ша самая мысль,

кошорую Фельдмаршалъ сообщилъ, на канунѣ, *по секрету*, и кошорую не лъзя было не признашь за блестящее соображеніе глубокомысленнаго шахшина. Но шаково свойство человѣческихъ поняшій, что однѣ и шѣже мысли, при одинакихъ обшояшельствахъ, могутъ зародиться въ умѣ великаго полководца и въ головѣ простаго поселянина! Большая наша армія поставила между непріяшелемъ и собою *усиленный авангардъ*; и ша и другой слѣдили бѣгущихъ шпороною поспѣвая спашь имъ въ лице и прекрашшь дорогу шпынами.

Должно признашься, что всѣ явленія духа опечесшвенности имѣють на себѣ печашь необыкновеннаго, высокаго, имъ дивяшся народы, ими украшающя лѣтописи временъ. Въ 1812 году узнали мы, что значишь опсшавашь грудью опечесшво — сражашься за души и законы свои! . . . Самое мще-

ніе приняло какой-шо благородный видъ, сдѣлавшись общимъ чувствомъ войска. — Желаніе смышь позоръ кровью и вырвашъ еще недогорѣвшіе города и селы изъ рукъ бѣгущихъ зажигателей — придавали крылья. Октябрь былъ уже въ послѣдней половинѣ — и воздухъ спановился спуденъ и мраченъ. По ушрамъ солнце восходило иногда великолѣпно надъ опущѣлыми полями и селами, но дни были уже корошки. Рано подымались вечерніе шуманы. Широкія равнины даже густые лѣса, исчезали въ нихъ, какъ въ морѣ, и войска, сходившія съ высотъ, казалось, ушопали въ оныхъ..... Нерѣдко свои шеряли своихъ, и по одному шолько шуму похода слѣдили невидимо идущихъ... Но ни влажные осенніе вечера, ни шемныя сырыя ночи, ни лишенія всякаго рода не могли оспановишь быспрошы преслѣду-

ющихъ. — Четыре или пять часовъ на отдыхъ; все остальное, въ сушкахъ, на походъ.

Такимъ образомъ, окушанные шемношою ночью и шуманами, подошли наши близко къ большой дорогѣ недалеко отъ Вязьмы. На канунѣ, Генераль Милорадовичъ былъ задумчивъ, всходилъ на высокія мѣста, на колокольни сельскихъ церквей, глядѣлъ на Московскую дорогу, совѣщавался съ другими Генералами и — оставался въ нерѣшимости. Одинъ изъ его адъютантовъ, котораго онъ любилъ, осмѣлился спросить, что его такъ озабочивало?.. »Ты не знаешь.« отвѣчалъ онъ: »какъ трудно самому быть отдѣльнымъ начальникомъ, имѣть на себѣ одномъ всю отвѣтственность! я давно бы уже врубился въ непріателя, еслибы мнѣ приказали.«... Однажды не далѣе какъ на другой день

загадочное положеніе наше разрѣшилось. Вязьма была уже въ виду. Съ утреннею зарею начали говорить о сраженіи и спросишься въ порядокъ, на ровниѣ сохранившей еще слѣды утренняго мороза. Милорадовичъ въ шляпѣ съ перомъ, въ леншѣ на Англійскомъ скакунѣ, весело примчался по звонкой шропѣ къ большой дорогѣ и здоровался съ войсками, мимо кошорыхъ проѣзжалъ. » Поздравляю, ребяша! сегодня будемъ драться! Башаліонъ. . . . го полка, поспроенный ближе всѣхъ къ дорогѣ, молчалъ. » Чшо жъ вы задумались? « — » Давно хлѣба не ѣли, Ваше Превосходительство! « — » А! вы думаете о хлѣбѣ, когда въ глазахъ слава! прочь отсюда, вы не достойны бытъ *впереди*: слѣдующій полкъ въ передѣ! « Перемѣщеніе было сдѣлано; но неоспорожные просили прощенія и ошличились въ дѣлѣ. На всѣхъ высо-

шахъ близъ села Федоровскаго загорѣ-
 лось сраженіе, распавляли башарей,
 палили изъ пушекъ, по всѣмъ перелѣс-
 камъ гремѣли стрѣлки — и драгунскіе
 полки врубались въ непріятельскія ка-
 реи. . . . — Двадцашъ и пшъдесяшъ
 тысячъ сражались шущъ на жизнь и
 смершь . . . на 15-ши версахъ со всѣхъ
 споронъ обходили, жали и шѣснили
 еще сильнаго и упорнаго непріятеля. . .
 Одинъ каре, приспрясь къ двойному
 ряду березъ на большой дорогѣ, съ не-
 вѣрояшнымъ мужествомъ и хладнокро-
 віемъ прошивободршвовалъ всѣмъ на-
 лешамъ драгунъ Мишавскаго полка.
 » Генералъ Мерлинъ! Сколько у васъ
 » пушекъ? « — » *Здѣсь. Дѣсяшъ!* « — » Я
 » спрашиваю, закричалъ Г-нъ Милорадо-
 » вичъ: сколько на всей линіи? « —
 » Шесшъдесяшъ! « — » подайше сюда по-
 » ловину! « — Въ минушу свезли орудія.
 » Бѣйте по карею! « — Съ двухъ залповъ

воздуха не спало: густой дымъ, облаками, закрылъ поле и сраженіе — и когда онъ ояшь, разсѣлся, по ни карея, ни березъ, ни мѣста, на кошоромъ споялъ каре уже не видно было: земля взбороздилась и деревья пали какъ подъ ударами сѣкиры! Съ шѣхъ поръ начали сосредоточивашь по многу орудій вмѣстѣ. Въ Красенскихъ сраженіяхъ, способъ сей былъ губительенъ для непріятельскихъ колонъ. — Между шѣмъ, Князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, бывшій предъ войною Посланникомъ въ Неаполѣ, послави бригаду пѣхошы прямо въ перерѣзъ большой дороги. Милорадовичъ послалъ одного изъ своихъ Адъютантовъ навѣдаться, что у него дѣлается? — »Я осѣдлалъ большую дорогу — ошвѣчалъ Князь, — и никшо меня изъ сѣдла не вышибешъ!« — Возвращаясь ошшуда Адъютантъ замѣшилъ, что

Французскіе спрѣлки, вышѣснивъ нашихъ молодыхъ егерей (изъ новонабранныхъ) изъ перелѣска, подползли къ самому подножію круглой высошы, на кошорой стоялъ Командующій Авангардомъ, Адьюшаншъ, опдавъ опчешъ, хошѣлъ было предувѣдомишь объ опасности, но зналъ, что Милорадовичъ не любилъ, чтобъ его, въ шакихъ случаяхъ, осперегали. Однакожъ онъ началъ говорить издалена; » какъ дерзки Французскіе спрѣлки! они проползають вездѣ » какъ муравьи! Вотъ и шеперь подъ нашими ногами у Вашего Высокопревосходительства!«—» Гдѣ они?« спросилъ Милорадовичъ. » Тушъ внизу!« . . . Въ это время, Милорадовичъ вдругъ схватилъ себя за правую ногу, пониже колѣна и сказалъ опривисшо: » Въ самое шомѣшо куда Баграціона. . . . Онъ полагалъ, что его ранили. Но къ счастью выспрѣлъ сдѣланъ былъ вверхъ и пуля

не имѣла довольно силы, чтобы пробишь даже теплый сапогъ, вздѣтый сверхъ холоднаго, на ногѣ Генерала. Однакожъ онъ цѣлый шопъ день былъ гнѣвливъ, часшо повшоряя: »какъ эшо могло случисься?« — Онъ шакъ привыкъ бышь неприкосновеннымъ въ сраженіяхъ, чшо не скрывалъ удивленія о случившемся. Непрiяшельскіе спрѣлки, за дерзосшь наказаны, и всѣ наши линіи общимъ движеніемъ подсшупили къ Вязьмѣ. Въ суешѣ и шревогѣ жаркаго боя не замѣшили, какъ минулъ день и когда вдругъ солнце показалось въ лѣвѣ на западѣ угасающемъ, Полковникъ Пошемкинъ невольно воскликнулъ: »солнце заходишь, мы не успѣемъ побѣдишь при свѣшѣ!« Но совершенная побѣда одержана при блескѣ повсемѣшно горѣвшей Вязьмы. Тамъ подъ ногами солдатъ кашились пылающія бревна, кругомъ раздавался шрескъ

отъ лопающихся гранатъ, кои, какъ полагаюшъ, умышленно оставлены были въ печахъ домовъ. Взрывы пороховыхъ ящиковъ и ружейная пальба грѣмѣла повсемѣстно и улицы наполнены были дымомъ, шлѣющими обломками и непріятелемъ, отъ кошораго Генералы Паскевичъ и Чеблоковъ въ самое короткое время очисти́ли городъ штыками. Французы продолжали опшупленіе, наши преслѣдовали ихъ къ Дорогобужу. — Здѣсь-шо можно было видѣшь народный духъ въ полномъ его развишіи и размышляшь свободно о рѣшеніи важнаго вопроса: въ чемъ состоишъ испинная сила государшва: въ множешвѣ ли линейнаго войска или воиншвенности самага народа, въ искусствѣ гибкихъ изворотовъ виѣшней полишки, или во внушренной швердостии духа? — Все, что имѣло силу вооружашься, взяло оружіе. Косы сшали

смертоносны; на вилахъ и другихъ земледѣльческихъ приборахъ дымилась часто кровь непріятелей. — Судьбамъ Вышняго угодно было, чшобъ шаковыя проявленія духа народнаго возникли въ одно время на двухъ разныхъ концахъ Европы — въ Россіи и Испаніи.

Федоръ Глинка.

Б У Р Я.

Что́ небо спало безъ лазури ,
И волны ходяшь по Невѣ ;
И шѣни облаковъ мелькаюшь по справѣ ?
Я слышу приближенъе бури.
Я здѣсь не знаю, что́ шворишся надо мной ?
Но близъ меня, въ щели спѣнной ,
Уныло вѣшеръ завываешъ ,
И онъ какъ будшо мнѣ о чемъ-шо воспоминаешъ
И будишь давнюю какую-шо мечшу.
О , вѣшеръ ! вѣшеръ ! шы свободенъ :
За чѣмъ же рвешся въ шѣсношу ? . . .
Ахъ ! еслибы я могъ , осшавя суешу ,
И въ чувсшвахъ новѣ и благороденъ ,
Лешашъ , какъ вѣшеръ , по полямъ !

И шолько рано по зарямъ ,
Прокравшись близъ шюрьмы споронкой ,
Несчасшнымъ узникамъ шихоньго
О чемъ-шо миломъ напѣвашь —
И горькихъ въ сладкое забвенье погружашь !

Ө. Глинка.

НОВОСЕЛЬЕ.

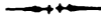

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумирь
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный шрудъ и сладкій миръ;
Ты счасливъ — шы свой домикъ малой,
Обычай мудросши храня,
Опъ злыхъ заботъ, и лѣни вялой
Заспиховаль какъ опъ огня.

А. Пушкинъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ
ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо IV.

Краковъ, 30 Августа 1819.

Сюда мы прїѣхали въ восемь часовъ ушра, и осшановились въ шракширѣ, на площади, близъ церкви Пресвяшья Богородицы. Ушро было жаркое, како-го шолько можно ожидашь въ концѣ Августа въ здѣшнемъ умѣренномъ кли-машѣ. Комнашы, ошведенныя намъ, были окнами на площадь. Вскорѣ, по прїѣздѣ нашемъ, раздался звонъ коло-коровъ съ сосѣдней церкви; мы пере-одѣлись и пошли въ нее, чшобы сово-нупишь мольбы наши съ мольбами на-

божныхъ Каполиковъ о здравіи Русскаго Царя въ день Его Тезоименишства. Входимъ въ церковь, посреди оной сшояшъ въ два ряда солдашы Краковской народной гвардіи, числомъ до 130-ти человекъ, въ полной аммуниці, съ ружьями въ рукахъ и съ киверами на головахъ. Первые чины Республики, парадно одѣшые, множество пригожихъ, щеголеватыхъ Краковянокъ и мужчинъ всякаго званія и всякихъ лѣшъ, сосшавляли шѣсную, непроницаемую шолпу. Облаченіе Римско - Каполическаго духовеншва, разнообразныя наряды Краковскихъ дамъ, мундиры, фракы и куншошы мужчинъ, являли глазамъ пушешешвенника пріятную, занимательную пешрошу. Началось молебшвіе о здравіи и долголѣшіи Императора Александра I, Высокаго Покровишеля Республики Краковской — и мигомъ сшрой воиновъ снялъ кивера и

преклонилъ колѣна и ружья. Всѣ присушествовавшіе во храмѣ, какъ бы по единодушному движенію, упали также на колѣна; не нужно себѣ сказывать, что мы были не изъ послѣднихъ. Сіи мольбы благодарныхъ Краковянъ за Монарха Россіи, Зиждителя ихъ счастья и Могущественнаго Споручителя за неприкосновенность ихъ правъ, — наполнили сердца наши сладостнымъ умиленіемъ; съ чувствомъ народной гордости, съ какою-то полною самодовольствіемъ вышли мы изъ храма. Войско прошло по площади церемониальнымъ маршемъ. Пушечные выстрѣлы съ самаго утра раздавались чрезъ каждыя пять минутъ, и это продолжалось во весь день. По городу носили афиши; я взялъ одну и увидѣлъ, что въ заключеніе спектакля будетъ на сценѣ иллюминація и пѣшы будущія каншы. Я пошелъ за билетомъ въ ше-

апрѣ, и попомѣ возвратился къ моимъ спутникамъ, дожидавшимъ меня въ пракширѣ. Вмѣстѣ опсправились мы осмотрѣть старинный замокъ Королей Польскихъ. Замокъ сей построены на холмѣ, и къ нему взбираешься надобно по крушой, неровной дорогѣ, свидѣтельствующей о запусщѣннн древняго жилища Жигмоншовъ и Казимировъ. Входимъ въ вороша; замокъ, съ его небѣлеными стѣнами, съ нѣкошорыми слѣдами или начашками разрушенія, въ мрачномъ величїи развернулся передъ нами. Его нельзя сравнишь съ нашимъ Кремлемъ: онъ не столь огроменъ и архищекшура его гораздо новѣе кажешся; господствующій вкусъ въ ней былъ Ишальянскій. Къ намъ явился какой-шо приславъ или ключарь, и вызвался водить насъ по замку. Прежде всего онъ повелъ насъ въ Нашедральную церковь, и показалъ намъ въ разныхъ при-

дѣлахъ гробницы Королей Польскихъ. Каждый саркофагъ украшенъ мраморнымъ изваяніемъ вѣнценосца, подвѣннмъ покоящагося. Казалось, древніе Монархи Польши, оживая, привсѣвали изъ гробницъ своихъ и гордо посматривали на дерзновенныхъ пришельцевъ, нарушающихъ миръ нынѣшняго ихъ царственнаго одра—сажени земли! Сей многочисленный рядъ гробницъ, сія пишина нѣкогда шумной, линовавшей пышности, сіе ничтожество минувшаго величія, возвысили душу мою къ помысламъ благоговѣйнымъ. Мнѣ мечталось, что на каждой гробницѣ, со взглядомъ на каждое мраморное изображеніе, на каждую надпись, подвѣннмъ изсѣченную, читалъ я дѣянія владыки, здѣсь сокрытаго, бышія времена давно-минувшихъ.

Полу-свѣтъ огромныхъ сводовъ храма—глубокое молчаніе, царствовавшее

вокругъ насъ, шолько изрѣдка преры-
 ваемое тихимъ шелеспомъ нашихъ ша-
 говъ и ошривисшими, въ полголоса
 произносимыми показаніями нашего во-
 жашаго — безмолвные лики на мраморѣ,
 бездушные останки подъ нимъ — все сіе
 наспроивало мое воображеніе къ ка-
 кой-то шаинсшвенной мечшашельно-
 сти. Мнѣ предшавилось, что я приз-
 ванъ во свидѣтели суда Египешскаго,
 суда попомсшва надъ сильными зем-
 ли; что всѣ сіи великолѣпные, гордые
 владыки Сармашіи возшанушъ предъ
 моими глазами и разоблачашъ дѣла
 свои, спрасши и замыслы. Мечша сія
 какъ бы осущесшвлялась и принимала
 обликъ историческій, когда я, опер-
 шись о волону и впередя глаза мои
 на одну изъ гробницъ, предался
 тихой задумчивосши. »Гдѣ вы, спа-
 ринные ушѣснишели моей родины?«
 вопрошалъ я мысленно. »Ощесшво

мое высоко вознесло чело свое и швердою мышцей шерло рога вашей гордыни! Плевелы раздора, нѣкогда засѣянные вами въ Царствѣ Московскомъ, давно уже вырваны съ корнемъ; длинный рядъ Самозванцевъ, вызванныхъ вами изъ ничтожества и вскормленныхъ на бѣду Россіи — погибъ съ шумомъ и посрамленіемъ. . . « Въ эшу минушу внушренняго разглагольшвія, ключарь подошелъ ко мнѣ и съ поклономъ объявилъ мнѣ, что *паны* (спушники мои) пошли далѣе. Я вышелъ изъ задумчивосши и пошелъ вслѣдъ за ними.

Въ одной изъ комнашъ замка показали намъ прекрасный памяшникъ Епископа Солшына, коего памяшь весьма уважаешся Поляками. Въ верху шпоишь бюшь Епископа; у подножія его, геній смерши оширываетъ гробницу и ведешъ въ нее сего шпрадальца шреволнений народныхъ; съ другой стороны

геній Испоріи приподнимаешъ гробовую крышку, какъ бы желая усобшаго оживишь въ воспоминаніяхъ попомства. Бюстъ и находящаяся подъ нимъ группа сдѣланы изъ хорошаго бѣлаго мрамора, и вообще понравились намъ поэтической мыслью художника, такъ и выполненіемъ. Мы видѣли такъ же модели памяшниковъ, въ честь Генерала Косцюшки и Князя Іосифа Поняшовскаго. Не знаю, каковы будутъ самые памяшники; но судя по моделямъ, нельзя ожидать ничего ошличнаго.

Изъ нѣкошорыхъ оконъ зѣмка видѣ очаровашельный: внизу вѣшся красивая Висла золошисшою леншой, на кошорой лучи полдневнаго солнца играли въ шо время, когда мы наслаждались симъ зрѣлищемъ. Далѣе, на краю горизонша, въ волнисшыхъ очершаніяхъ предшавляющся исполинскія Карпа-

шы прозрачно голубыми, едва замѣшными для взора облаками. Пріятные, разнообразныя сельскіе виды наполняютъ средину сей обширной картины.

Послѣ обѣда мы ѣздили въ ботаническій садъ, принадлежащій Университету Краковскому. Въ самомъ Университетѣ не могли мы бысть по случаю праздничнаго дня, свободнаго отъ ученья, и по крашкоси времени, на которое остановились въ здѣшнемъ городѣ. Садъ не великъ; но хорошо разположенъ и доспашочно снабженъ разными рѣдкими растѣніями. Плакучая ива, свѣсившаяся надъ однимъ прудомъ, напомнила мнѣ жалобный романсъ Дездемоны.

Вечеромъ былъ я въ театрѣ. Онъ не великъ, и партеръ его, сдѣланный циркомъ, заключалъ въ себѣ шолпу слушающихъ разнаго званія, всѣ они стояли,

ибо сидѣшь было не на чемъ: ни спуль-евъ, ни скамей не было вовсе въ эшомъ кругломъ паршерѣ. Предсшавляли двѣ комедіи: *Мундиръ Фельдмаршала Веллингтона* и *Фран-Масонъ*. Послѣдняя изъ нихъ написана стихами; но съ слабыми моими свѣдѣніями въ Польскомъ языкѣ, я не могъ доискашья въ ней завязки и даже цѣли авшора.

Я и не смѣлъ его обвиняшь за шо, но многіе, сшоявшіе подлѣ меня паршерные кришики изъ шуземцовъ, кажешся, не больше меня понимали пьесу, сколько я могъ судишь изъ ихъ замѣчаній, кои они вслухъ и насмѣшливо сообщали другъ другу. Вошъ кончились обѣ комедіи; занавѣсъ опустился и вскорѣ поднялся снова. Явились при прозрачные щипа: на среднемъ (и самомъ большемъ) изображено вензеловое имя *Высокаго Имяинника*,

Императора Александра I-го; под нимъ гербъ Россійской Имперіи; на боковыхъ щитахъ — имена и гербы Ихъ Величествъ Императора Австрійскаго и Короля Прусскаго. Акшеры, всею группой, сшли по сторонамъ щитовъ, полукругомъ на авансценѣ, и забликанша въ честь Высокаго ихъ Покровителя, Царя Русскаго, и Союзниковъ Его, Государей Пруссіи и Австріи.

Въ просердечныхъ стихахъ выражены были чувства благодарности, преданности и благоговѣнія за прочное бышіе Республики, осѣненной сильнымъ покровомъ сихъ шрехъ Высокихъ Союзниковъ. . . . Я вышелъ изъ шеатра разпроганный, умиленный, съ душою, полною сладостныхъ ощущеній Россіянина, сына страны благошворной и непреодолимой. . . .

О. Сомовъ.

КАРАФИНЪ - ЗЕРКАЛО.

За ужиномъ , прошивъ графина ,
 О чемъ шакъ мило шы задумалась Алина ?
 Въ граненомъ хрусталѣ съ колодезной водой,
 Ты видишь образъ молодой:
 И онъ задумался , и онъ пошупилъ глазки ,
 Какъ дѣвушка , когда ей въ первый разъ
 О свадьбахъ и пирахъ рассказывающъ сказки....
 Ты все задумчива.... шы не ошводишь глазъ
 И улыбаешься.... и хочешь поклониться —
 Кому ?... Чшо шакъ манишь шебя ? —
 Ну , полно милая ! шайшься :
 Въ спеклѣ съ водой , шы смощришь на себл !

Федоръ Глинка.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ФАУСТА, СОЧ. ГЁТЕ.

Ногѣ на Свѣтлое Воскресенье, слышенъ колокольный звонъ и церковное пѣніе.

Фаустъ, держитъ въ рукахъ ташу съ ядомъ.

Громовые и сладоспные звуки

За чѣмъ во прахѣ ищете меня?

Гдѣ мирная проспыхъ сердецъ семья

Звучите памъ, чаруя сердца муки.

Я—внемлю вашувѣспь,—но вѣры нѣштъ во мнѣ.

Лишь чудо — вѣры милое дитя! —

Нѣштъ крыльевъ у меня поднашься къ шей
спранѣ,

Ошколь гласъ лешишь благовѣспя!

Но съ дѣшскихъ лѣшъ я эшошь звукъ слыхаль

И снова къ жизни онъ меня воззваль.

Мнѣ памяшно свяшой любви лобзанье

Въ священно-шихій Воскресенья часъ,

Звукъ мѣди навѣваль на сердце упованье

И пламенемъ мольба изъ усъшъ моихъ лилась;

Непосшижимое и сладкое шомленье

Меня влекло въ долины и лѣса;

Я чувспвоваль съ слезами упоенья,

Чшо въ глубинѣ души мѣръ новый развился! —

Объ играхъ дѣшшва пѣсни шѣ вѣщали,

О свѣшломъ счасшьи праздника весны,

Я вспомнилъ шихіе младенческіе сны! —

Они меня надъ бездною удержали.

Раздайся вновь Эдема-звукъ свяшой!

Слеза блесшишь, — земля, я снова швой!

(бросаетъ ташу.)

М. Лихонинъ.

ЧУДНАЯ БОЛѢЗНЬ.

I.

Болѣзнью чудной я измучень,
 Душой и шѣломъ спражду я!
 Все шяжко мнѣ, я мрачень, скучень,
 Живу, какъ жершва бышія!

II.

Я упоень какимъ-шо ядомъ,
 Червь почишь сердце, я въ огнѣ;
 Я ровень пламенносшью съ адомъ,
 И поселился бѣсъ во мнѣ.

III.

Онъ радъ гуляшь на новосельѣ,
 Щекошинъ шѣло, духъ мушинъ!
 Кшожь дасшь цѣлебное мнѣ зелье
 И демона заговоришь?

IV.

Грызешъ меня шоска, злодѣйка!
Гдѣжъ ошъ` сердечнаго огня
Сокрышья мнѣ? Гдѣ чародѣйка,
Кошорая спасешъ меня?

А. Вельтманъ.

ВЗЯТІЕ КІЕВА И ОСАДА НОВГОРОДА.

Изь ИСТОРИИ РУССКАГО НАРОДА.

1167 — 1170.

Мирные, послѣдніе годы Ростиславова княженія подобились шишинѣ передъ бурей, и, кажешся, кромѣ уваженія къ шаросши Князя, всегда усшупчиваго, ничѣмъ болѣе не удерживались спрасши. Но онѣ шолько шайлись, а не погасали совершенно. Едва скончался онѣ, сбилось неслыханное дошолѣ: паденіе Кіева, позорѣ и раззореніе древняго града Ольги, Свяшослава, Владиміра и Ярославѣ.

Мстиславъ Изяславичъ, обладашеть Волини, ушвержденный наслѣдникъ Росшислава, союзникъ Галицкаго Князя, шоль бодрый и мужешвенный, могъ обѣщашь себѣ счасливое, по крайней мѣрѣ, крѣпкое княженіе. Его окружали Князья, не спрашные ни силою, ни умомъ.

Но Суздаль — гроза опца его, долженшвовалъ разразишься грозою и на главу Мстислава. Десяшь лѣшь правленія, спокойнаго, безъ спора ошъ другихъ, при полишической сисшемъ Андрея и умъ его, укрѣпили Суздаль. Современники говоряшь, что Андрей *не любилъ Мстислава*. За что? Можешъ бышь, не шерпя соперника въ доблѣсти. Кромъ шого, Андрей видѣлъ возможность распроспранишь свою сисшему на всю Русь. Кіевъ и Новгородъ, повинуюсь его волѣ, имѣя Князей ошъ руки его,

сдѣлали — бы его обладашелемъ всѣхъ Русскихъ Княжесствъ. Такъ могъ располагашь Андрей.

Пока Мстиславъ Изяславичъ собирався ѣхашь въ Кіевъ, Владиміръ Мстиславичъ, дѣши Ростислава, Владиміръ Дорогобужскій, и бравъ Мстислава, Ярославъ, сосшавили союзъ и хотѣли шребовашь ошъ Мстислава прибавки къ своимъ удѣламъ. Мстиславъ оскорбился, призвалъ дружины Галиція, нанялъ Поляковъ, и шелъ къ Кіеву съ оружіемъ въ рукахъ. Кіевляне вспрѣшили его усердно, и союзъ Князей расшоргся; шолько Владиміръ Мстиславичъ не покорялся, но, спѣсненнй въ Вышгородѣ, наконецъ и онъ просилъ мира. Мстиславъ согласился, взялъ съ него кляшву, и черезъ шри дня услышалъ, что Владиміръ снова умышляешъ зло. »Еще уша швои не обсохли,

когда ты цѣловалъ мнѣ крестъ, и уже снова измѣняешь?» говорилъ Мстиславъ, вспрѣшивъ Владиміра въ Печерской обители. Поклявшись снова въ вѣрности, Владиміръ спѣшилъ къ боярамъ, обѣщавшимъ оудаться ему, но они ошреклись. »Я замѣню васъ ошроками!« сказалъ Владиміръ и пріѣхалъ къ Торкамъ и Берендеямъ, собравшимся недалеко ошъ Кіева. »Гдѣ-же Князья, швои союзники, гдѣ дружина швоя?« спрашивали его Берендеи. »Ты обманулъ насъ!« восклицали они, слыша неудовлешворительныя ошвѣщанья Владиміра, и едва не убили его. Онъ бѣжалъ, говоря: »Погубилъ я душу, а съ ними погублю и шѣло; зачѣмъ было вѣришь поганымъ!« Не смѣя ошаваться въ южной Руси, онъ пробрался къ Андрею въ Суздаль. Андрей принялъ, обласкалъ его, обѣщавъ защиту; вспуился и за другаго Князя: эшо былъ *Святославъ*

Ростиславичѣ. Не смошря на обѣщаніе, данное ошцу его, Новгородцы беспре-
шанно съ нимъ ссорились: Свяшославъ
осшавилъ наконецъ Новгородъ, и уѣхалъ
въ Великіе Луки. Новгородцы разсер-
дились, прогнали его ошшуда; Свяшо-
славъ бѣжалъ къ Андрею, кошорый
послалъ сказашь Новгородцамъ, что
они должны приняшь къ себѣ Свяшо-
слава. »Не хошимъ его!« ошвѣчало Вече.—
»Вамъ не будешъ другаго,« говорилъ
Андрей и послалъ Свяшослава съ дру-
жинами раззоряшь Новгородскія воло-
сти. Пока Посадникъ Якунъ ошбивалъ
Суздальскія, Смоленскія и Полоцкія
дружины ошъ Сшарой Русы, послы
Новгородцевъ пробрались въ Кіевъ, и
просили Мшислава Изяславича пос-
лашь къ нимъ сына его, Романа. Ко-
лебавшись нѣскольکو мѣсяцевъ, Мши-
славъ согласился и ошправилъ юнаго
Романа въ Новгородъ. Сей Князь при-

нялъ начальство надъ Новгородскимъ войскомъ и разбилъ Полоцкія и Смоленскія дружины. Андрей гибвался и рѣшился спрашно наказашъ гордый Новгородъ; но онъ ошспрочилъ сей ударъ, и, почиая себя оскорбленнымъ ошъ Мшислава, сперва хошѣлъ рѣшишь его погибель.

Между шѣмъ, Росшиславичи и Олеговичи казались добрыми друзьями Мшислава. Онъ предложилъ имъ походъ на Половцевъ, ободренныхъ долгимъ бездѣйствіемъ Руссовъ. Дружины Кіевскія, Черниговскія, Сѣверскія, Смоленскія, Волынскія и другихъ обласшей ходили въ Половецкія степи, били поганыхъ, взяли богашства, плѣнныхъ, шпада, и поссорились въ дѣлѣжѣ. Возникли и другія неудовольствія: Росшиславичи жаловались на злоумышленія Мшислава; Князь Дорогобужскій шре-

боваль отъ него городовъ; всѣ разстались недовольными.

Мсшиславъ не думалъ, что неважныя сіи ссоры гошовашъ ему спрашное паденіе. Послы Андреевы явились къ Князьямъ, и легко склонили ихъ идти на Мсшислава. Дружины Андрея Георгіевича были гошовы и быспро двинулись къ Вышгороду, куда въ шоже время шли съ войсками Глѣбъ Переяславскій, Рюманъ Смоленскій, Давидъ Вышгородскій, Рюрикъ Овручскій, младшій Росшиславичъ (Мсшиславъ Храбрый), Владиміръ Андреевичъ Дорогобужскій, Всеволодъ Георгіевичъ (возвращившійся изъ Греціи), Мсшиславъ (бывшій Князь Новгородскій, племянникъ Андрея), Олегъ Сѣверскій и брашъ его Игорь. Суздальскій Воевода, Борисъ Жидиславичъ, и сынъ Андрея Георгіевича, Мсшиславъ, были предводи-

шелями соединенныхъ полчищъ. Изумленный Мстиславъ Изяславичъ едва успѣлъ собрать малыя дружины Кіевскія, Волынскія, Торковъ, Берендеевъ, но не робѣлъ, ожидалъ всего ошъ побѣды — щещно! Учасъ Кіева была рѣшена.

Многочисленное воинство союзниковъ быспро явилось подъ Кіевомъ. Съ небольшими дружинами своими, Мстиславъ не могъ предупредитъ его въполѣ, зашворился въ Кіевѣ, и два дня бился жестоко. На шрешій учиненъ былъ при-сшупъ со всѣхъ сторонъ; ошчаянное сопрошивленіе не помогло: Кіевъ взяли. Мстиславъ едва успѣлъ самъ пробитъся и ушелъ въ Волынь; братъ его, Ярославъ Луцкій, бѣжалъ съ нимъ; супруга, сынъ, бояре Мстислава остались въ плѣну. Князья не могли удержатъ воин-новъ: начался грабежъ, какъ будшо въ

землѣ Половецкой. Не только дома жишелей, но церкви и монастыри были разбишы и разграблены: воины сдирали ризы съ иконѣ, снимали колокола, брали свяшые сосуды, книги, ризы.... Три дня продолжалось неисшовство, и было шоль неожиданно, шоль ужасно, что Лѣшописцы-современники не жалуются на него, и шольно говорящѣ: »эшо было наказаніе за грѣхи наши.«— Наконецѣ объявили Кіевлянамѣ, что *Великій Князь Андрей* жалуешѣ имѣ *удѣльнаго Князя* ошѣ руки своей: Глѣбѣ Переяславскій получилѣ Кіевѣ, и опдалѣ Переяславѣ сыну своему Владимиру. Соединенныя дружины Князей разошлись съ добычею; однѣ пошли во свояси, другія спѣшили въ Суздаю и Смоленску. Андрей гошовилѣ Новгороду учасѣ Кіева.

Бѣдшвіе шоль ужасное, быспрое, паденіе шоль прискорбное, кажешся,

убили мужешвеннаго Мшислава Изяславича. Онъ не долго пережилъ свое несчастіе; можешъ бышь чувшвовалъ смерть въ груди своей, но еще хошблъ бодршвовашъ, сражашься. Въ шо время, какъ Глббъ и брашъ его Михаилъ ошражалишолны Половцевъ, ошвсюду слешавшихся на опушошенную Кіевскую обласшь, какъ враны на шрупъ, Мшиславъ собралъ дружины Волынскія, взялъ войско у Галицкаго Князя, и вошелъ въ удблъ Владиміра Андреевича Дорогобужскаго. Владиміръ былъ при послбдномъ издыханіи, не могъ ни защищашься, ни ббжашъ, и на одрб смершномъ безпомощно слышалъ о раззореніи своихъ обласшей. Узнавъ о смерти его, Мшиславъ ошдалъ Дорогобужъ Владиміру Мшиславичу, который, безъ пользы живъ въ Рязани, пришелъ къ Мшиславу, билъ ему челомъ, и вошелъ снова въ милосшь Кня-

зя. Жестокосердый Владимірѣ Мсшилавичѣ изгналь изѣ Дорогобужа вдову бывшаго Князя, и она побѣхала вѣ Кіевѣ: сѣ нею было шѣло супруга; за нею шель Мсшиславѣ Изяславичѣ сѣ войскомѣ. Вдова Владиміра Андреевича и Игуменѣ Поликарпѣ, присланный изѣ Кіева для вспрѣчи, шребовали вѣ Вышгородѣ провожашыхѣ кѣ шѣлу Княжескому, кошорые вели-бы коней и несли Княжеское знамя. Давидѣ, укрѣплявшій Вышгородѣ на случай ожидаемаго нападенія Мсшиславова, ошвѣчалѣ: »Возьми поповѣ: воины нужны живымѣ: чесшь и знамя Владиміра прешли сѣ его смершію.«

Но Мсшиславѣ повернулѣ прямо на Кіевѣ. Глѣбѣ не дождался его и бѣжалѣ вѣ Переяславѣ. Овладѣвѣ Кіевомѣ, Мсшиславѣ сѣшылѣ кѣ Вышгороду, окружилѣ его, и хошѣлѣ сражашься.

Галичане объявили ему, что Князь ихъ не велѣлъ имъ долго мѣшкаться, опшупили, и пошли въ Галичъ; Берендеи также расходились, и Мстиславъ, слыша, что Глѣбъ нанялъ Половцевъ и идетъ на него, оставилъ осаду Вышгорода, и ушелъ въ Волынь. Тамъ онъ готовился къ новому походу, но болѣзнь его усилилась. Чувствуя приближеніе смерти, онъ благословилъ дѣшей, передалъ ихъ защитѣ брата своего, Ярослава Луцкаго, и скончался, Августа 19, 1170 года.

Когда рука смерти шагнѣла надъ опцомъ, сынъ, Романъ Новгородскій, прославлялся достопамятною побѣдою.

Мы видѣли отношенія Андрея Георгиевича къ Новгороду. Вся Русь ждала необыкновеннаго: паденія Новгорода, споль ненавистнаго другимъ Руссамъ,

дошолѣ споль гордаго, смѣлаго и непокорнаго! Князья думали, что наконецъ опмѣшавъ вольнымъ Новгородцамъ за сполько позорныхъ изгнаній, коими послѣ Мономаха ознаменовалась Исторія Князей Новгородскихъ. Въ Лѣтописяхъ оспались слѣды ненависти, съ какою смопрѣли Руссы на Новгородъ. Всѣ желали успѣха Андрею, можешъ бышь и пошому даже, что *неуспѣхъ* былъ невозможенъ. Паденіе Кіева и неудачное спараніе мужесшвеннаго Мстислава возвращишь побѣду, опнимало всякую надежду на борьбу съ Великимъ Княземъ и съ Владиміромъ Залѣскимъ, возносившимся въ юной силѣ прошивъ дряхлаго и обеславленнаго Кіева. Андрей владѣлъ проспраншвомъ земель ошъ Торжка до границъ Смоленскихъ, Вяшичскихъ и Рязанскихъ, Росшовомъ, Муромомъ, Суздалемъ, Москвою, Бѣлоозеромъ.— Кіевъ, Рязань,

Черниговъ, Полоцкъ, Смоленскъ были подъ его рукою. Чшо прошивопославляли ему Новгородцы? Только *одинъ Новгородъ и области Новгородскія*, лишенные продовольствій при войнѣ съ другими Русскими обласьями; слабый Псковъ былъ еще съ ними въ союзѣ.

Но когда Андрей пересшалъ думашь о покровишельствѣ Свяшослава; казалось, забылъ на время о Новгородѣ; рѣшалъ судьбу Кіева, и собиралъ грозныя ополченія на Сѣверѣ; Вѣче Новгородское увидѣло, чшо дѣло идешъ уже не о защищѣ шого или другаго Князя, не о томъ, чшо Свяшославъ, или какойнибудь Мсшиславъ будешъ у нихъ Княземъ, но о гражданской жизни Новгорода. Мысль о близкой гибели связала сердца и души; все было забыто: граждане Новгородскіе хошѣли не побѣдишь, но умереть.

Мы сказали уже о избраніи Княземъ Новгородскимъ Романа, Мстиславова сына, юноши смѣлаго и храбраго, который пошчасѣ по вступленіи въ Новгородъ разбилъ дружины Полоцкія и Смоленскія, грабившія обласшь Новгородскую. Посадникомъ былъ тогда Якунъ Андреевичъ, избранный въ 1167 году, когда Посадникъ Захарія, подозрѣваемый въ сношеніяхъ съ непріятелемъ, былъ низвергнушъ съ посадничества и убишъ въ смяшеніи. Якунъ дикшапоршвовалъ почти восемь мѣсяцевъ, пока смѣлый Новгородецъ, Даниславъ Лазушиничъ, пробрался въ Кіевъ, пока Мстиславъ согласился опуститишь Романа, и пока сей Князь пріѣхалъ въ Новгородъ. Романъ, Якунъ и Даниславъ сдѣлались душою Вѣча. Владыкой Новгородскимъ былъ тогда благочесивый, по кончинѣ причщенный въ лику свяшыхъ, Архіепископъ

Иля, наслѣдовавшій пасшву послѣ Арнадія, преемника Нифоншонова.

Пока Андрей и союзники его брали Кіевъ, и собирались на Новгородъ. Новгородцы, какъ будшо на зло врагамъ, высупили въ разныя спороны съ дружинами. Они и Псковишяне опустошили Полоцкую обласшь, и не дошли шолько шридцати верштъ до Полоцка. Князь Романъ напалъ на Торопецъ, выжегъ его, и полонилъ жишелей. Даниславъ бросился за Вышній-Волочекъ, на обласши самага Андрея. Вся дружина его сосшояла изъ 400 человекъ; 7000 Суздальцевъ напали на Данислава, но въ жаркой схвашкѣ были разбишы; Даниславъ взялъ дань, велъ плѣнниковъ; Новгородцы радовались, ободрялись. Наконецъ грозное ополченіе двинулось на нихъ, зимою, 1170 года.

Новгородцы не прошивились ему на пуши, собрались вокругъ Свяшой Софіи,

и обнесли городъ деревяннымъ шномъ. Соединенныя войска Андрея и Князей Смоленскихъ, Рязанскихъ, Полоцкихъ, Черниговскихъ, были многочисленны, *»поднялась вся земля Русская.»* Предводитель былъ сынъ Андрея, Мсциславъ, уже славный взятіемъ Кіева. Убійство и пожары означили слѣды дружинъ, въ коихъ, какъ пишутъ нѣкошорые изъ Лѣтописцевъ, было однихъ Князей семьдесятъ два. Жили обласшей Новгородскихъ, бѣжавшіе ошвсюду въ Новгородъ, приносили ужащающія извѣстія о силѣ и свирѣпости враговъ, печалили, но не приводили въ робость Новгородцевъ. Февраля 22 пришла союзная рать подъ самый Новгородъ, шребовала здачи города и безусловнаго повиновенія. Новгородцы не хошѣли ни о чемъ слышашъ. Суздальцы уже напередъ дѣлили добычу, и рано по ушру, Февраля 25, непріятель

двинулся на присшупѣ: началась бѣшва; дрались ошчаянно вокругѣ всего города. Церкви были ошворенны, и когда юноши, мужья и ошцы умирали на сшѣнахѣ города, дѣши, жены и спарцы плакали и молились вѣ церквахѣ. Владыка Илія уже шри дня и шри ночи, сѣ самага появленія враговѣ, былѣ при алшарѣ Господнемѣ вѣ Соборной церкви. Вѣ послѣднюю ночь, когда всѣ знали, что слѣдующій день рѣшишѣ: бышь-ли Новгородцамѣ подданными Великаго Князя, или свободными людьми— Архипасшырь слышишѣголосѣ, повелѣвающій ему иди вѣ церковь Св. Спаса на Ильинской улицѣ, взяшь шамѣ чудотворную икону Богомашери, вознеси ее на городскую сшѣну, и шѣмѣ спаси Новгородѣ. Вѣ слезахѣ умиленія повергся на помосшѣ храма, и молился до самага свѣша Архипасшырь; пошомѣ велѣлѣ благовѣсшишѣ вѣ большой со-

борный колоколь, началъ молебень, и ждалъ посланныхъ за иконою. Они возвратились съ ужасомъ, говоря, что икона не двигается съ мѣста. Тогда самъ Илія шоржешвенно пошелъ въ церковь Спасскую, упалъ на землю и возгласилъ: »Дѣва Владычица, упованіе, надежда, заступница града! Ты свѣта, покровъ и прибѣжище всѣхъ, и мы на Тебя уповаемъ, грѣшныя! Молись Сыну Твоему: не предай насъ врагамъ за грѣхи наши, но услышь плачъ и воздыханіе наше! Ниневія покаялась и была спасена; да явишься и нынѣ милосердіе Божіе!« — Началось молебное пѣніе; очи всѣхъ были сквозь слезъ усшремлены на икону. Когда запѣли Кондакъ послѣ 6-й пѣсни: *»Предстательство Христіанъ непостыдное,*« икона заколебалась... Тысячи голосовъ радосно воскликнули: »Господи помилуй!« Архіепископъ при-

нялъ, облобызалъ икону, съ пѣніемъ понесъ ее на градскую сѣбну, и посавилъ шамъ, гдѣ кипѣла сильнѣйшая бишва. Наспалъ шестшой часъ дня, и вдругъ молва о чудѣ ошв Св. иконы разнеслась между воинами, уже изнемогавшими. Тучи сшрѣлъ лешѣли на сѣбну, и двѣ сшрѣлы вонзились въ Свяшый образъ. Оборотивъ ликъ Пресвяшья ко граду, Архипасшырь видѣлъ, какъ слезы падали изъ очей Богомашери на фелонь его. . . Тогда внезапный восшоргъ одушевилъ Новгородцевъ; они не хошѣли уже сидѣшь въ городѣ, ошбили городскія вороша, пошли рѣзашься въ самый шаторъ вражескій, и все — пало предъ ними! Союзныя дружины дрогнули, побѣжали, ужасъ обвялъ ихъ: спасались, не думая о защишѣ! Новгородцы били, брали въ плѣнъ. За гривну продавали пошомъ по десяши плѣнныхъ Суздальцевъ. Такъ много бы-

ло плѣнныхъ, шакъ не дорожили ими Новгородцы! Пораженіе было шоль всеобщее, что непріатель бѣжалъ по опустошеннымъ обласьямъ Новгородскимъ, до самыхъ предѣловъ не осшанавливаясь. Гордаго, многочисленнаго войска не спало, какъ будшо Ангелъ Божій поразилъ его! Голодъ свирѣпшвовалъ между бѣглецами до шакой спепени, что они принуждены были въ Великій постъ ѣшь мясо, и пришомъ мясо лошадей своихъ: эша черша ужасной крайности замѣчена во всѣхъ Лѣтописяхъ.

Новгородцы не думали о пошеряхъ и опустошеніи ихъ обласей. Всѣ Руссы съ благоговѣніемъ приписали спасеніе Новгорода *Знаменію* образа Богомашери. Праздникъ чудошворной иконѣ Знаменія, усшановленный Новгородцами, на вѣчныя времена, въ 27-й день

Ноября, приняли всѣ Русскія области.* Это памятный день униженія гордой силы, неуважившей слабыхъ, сильныхъ единоплеменъ независимости!...

---

* *Икона Знаменія* предсавляетъ Богоматерь, подъемлющую обѣ руки въ умилительномъ видѣ молишвы; на колѣняхъ Ея находишся Предвѣчный Младенецъ. *Ильинская улица* донинѣ естъ въ Новгородѣ: она идеть параллельно съ прощомъ, соединяющимъ Волховъ съ рѣчкою Копанью. Сохранилась ли на ней *Спасская церковь*? * — Во имя Знаменія Богоматери въ Россіи находишся множество церквей и монастырей. Упомянемъ о *Московскомъ*, *Великоустюжскомъ*, *Абалацкомъ* (близъ Тобольска), *Гороховскомъ*, *Иркутскомъ*, *Осташковскомъ*, *Тобольскомъ*. Но знаменишѣйшій изъ всѣхъ *Знаменскій Курскій*: въ немъ находишся чу-

* *Спасская церковь* донинѣ сохранилась. Она находится на *Ильинской улицѣ*, — противу самаго Собора Знаменія.

Съ сожалѣніемъ оставляемъ разсказъ о народной доблести, и начинаемъ повѣсть о событіяхъ обыкновенныхъ. Такъ въ жизни нашей: минушы, когда

дошворная икона Знаменія Богомашери, первоначально бывшая въ Коренной Пуспынѣ, находящейся въ 27 верспахъ отъ Курска. Ежегодно, въ 9-ю Пяшницу послѣ Свяшой недѣли, носящъ сію икону изъ Курска въ Коренную Пуспынѣ. Тамъ въ это время собирается обширная ярмарка, и пысячи народа спекаюшя ошвсюду. — Вошъ благодаршвенныя пѣсни, сложенныя въ памяшь избавленія Новгорода, и поемья ежегодно въ церквахъ нашихъ, въ 27-й день Ноября: (*Тропарь*) „Яко неборимую шѣну и испочникъ чудесь шяжавше Тя рабы Твои, Богородице Пречисшя! сошпрошвннхъ ополченіе низлагаемъ; шѣмъ же молимъ Тя: миръ граду Твоему дай, и душамъ нашимъ велію милосшь!“ (*Кондакъ*) „Чешнаго Твоего образа Зна-

бышѣ гражданскій возносишя выше
вседневныхъ событій, шакѣ-же рѣд-
ки, какѣ минушы восшорга для чело-
вѣка. . . .

Н. Полевой.

„меніе празднующе людіе Твои , Богоро-
„дишельнице ! Имъ-же дивную побѣду на
„сопрошивныхъ граду Твоему даровала Еси,
„шѣмъ-же Тебѣ вѣрою взываемъ : радуйся
„Дѣво, Хрисціанъ похвало !“

ВСЕМОГУЩЕСТВО.

Ты можешь вдругъ меня сравнишь съ през-
рѣннымъ прахомъ

И вдругъ оцѣпъ изъ праха воскресишь!

Смушишь мой духъ, наполнишь душу спра-
хомъ

И вновь ее развеселишь!

Ты ложе скорбное умѣль убрашь цвѣтами!

Ты пролилъ аромашъ изъ золошыхъ кадилъ,

И шомную главу спсрадальца освѣшилъ

Во снѣ прекрасными мечшами,

И свѣялъ слезы съ глазъ дыханіемъ любви!

Мнѣ снмлось разъ, я былъ надъ грозною рѣкою—

Упаль.... и, вопія, хващаль Тебя рукою;

И Ты извлекъ меня и мнѣ сказала: „живи!“

Θ. Глинка.

П Ъ С Н Я.

Небо чисто , небо ясно ,
 Въ небѣ звѣздочка блещишь ,
 Не люби ее шакъ спрашно —
 Для себя ль она горишь ?

Для меня ли , я не знаю ;
 Но при ней мнѣ шакъ свѣшло ,
 Но при ней я не спрадаю ,
 Безъ нее мнѣ тяжело .

Сладко сердцу съ ней сроднишься ,
 Ею красенъ мѣръ земной ,
 Споишь звѣздочкѣ зашмишься —
 И погасну я душой .

Небо чисто , небо ясно ,
Въ небѣ звѣздочка блеспишь ,
Не люби ее шакъ спраснио —
Для шебя ль она горипъ ?

Д. Новиковъ.

Ф І О Р И Н А .

БАЛЛАДА ИЗЪ ИТАЛІЯНСКОЙ ПОЭМЫ :

И Д Е Л Ъ Г О Н Д А .

На персяхъ крестъ, задумчива, шомна,
 Покинула домъ царскій Фіорина ,
 И съ юношей возлюбленнымъ она —
 Тамъ гдѣ горитъ войною Палестина ;
 Ударами еѣ успрашена
 Бѣжитъ предъ ней невѣрная дружина.
 За нимъ на смерть она лешѣла въ бой
 И вмѣстѣ съ нимъ лежитъ въ землѣ Свяпой.

Осенній день ужъ на небѣ блещитъ ,
 Послѣдній разъ на брань ей пробуждаешься.
 О Фіорина ! Свено говоришь :
 Ты не должна за мной на бишву мчаться,

Кровавый пиръ ужасно закипипъ,
Тебѣ нельзя прелеспная сражаться?
Напрасно всё — за нимъ помчалась въ бой
И вмѣстѣ съ нимъ лежишь въ землѣ Свяшой.

На полѣ шамъ, гдѣ кровь рѣкой шекла,
Опыскана была чеша свяшая.
Младую жизнь любовь пережила,
Они легли другъ друга обнимая.
Теперь чеша у Господа нашла
Покой душамъ въ блаженной сѣни рая,
И какъ видалъ ихъ вмѣстѣ шумный бой,
Такъ и шѣла лежашъ въ землѣ Свяшой.

Иванъ Козловъ.

ПЕДАНТАМЪ — ИЗЫСКАТЕЛЯМЪ.

Спѣвъ городскихъ зашворникъ своенравный,
 Сорвавъ въ лѣсу весенній, первый цвѣшъ,
 Изъ-подъ небесъ, изъ родины дубравной,
 Несешь его въ свой душный кабинетъ.
 Радъ челоуѣкъ прекраснаго безсилю!
 Чшо въ немъ шебѣ? зачѣмъ его сорвалъ?
 Чшобъ цвѣшъ живой, зашершый ѣдкой пылью,
 Довременно и безъ плода извялъ.

*

Такъ жизни цвѣшъ педантъ ученый косишъ
 И, жаждою безумной увлеченъ,
 Онъ въ мершвое ученье переносишъ
 Весь бышъ живой народовъ и времянь.

Въ его устахъ всѣ звуки замирающъ ,
 Опъ праощцевъ гласящіе живымъ ,
 И въ письменахъ бесплодно доплѣвающъ
 Подъ пылью буквъ , и Греція и Римъ.

*

Нѣшъ, не шаковъ любитель свѣшлой Флоры!
 Опъ давнихъ жашвъ онъ копипъ сѣмена ;
 Дожнешъ весна — и разбѣжались взоры :
 Живымъ ковромъ долина услана.
 Равно поэшъ въ себѣ спасаешъ время ,
 Погибшее напрасно для земли ,
 И праздный вѣкъ , увянувшее племя ,
 Предъ нимъ опяшъ волшебнo разцвѣли.

Шевыревъ.

П О Ъ З Д К А

П Р И С В Ъ Т Ъ М Ъ С Я Ц А .

—

Свѣши *серебряный!* свѣши!

Надъ ясной Волги половою!

И надъ слезисною росвою;

Леши, мой добрый конь, леши!

*

Туда за холмы, за долины:

Тамъ Русское село споишь;

Ужь, въ окнахъ брежжешь свѣшь лучины,

Къ вечерни колоколь гудишь. . . .

Тамъ ждущъ насъ . . . конь, мой конь, леши! —

А шы, съ долинь своихъ небесныхъ,

На бархашъ муравъ поддревесныхъ

Свѣши, *серебряный,* свѣши!

Ө. Глинка.

ПРОГУЛКА

ВЪ

ОКРЕСТНОСТЯХЪ МОСКВЫ.

Июль 1828 года.

Быль полдень. Солнце жгло. Съ шобю, мой пушеводишель, я шелъ въ шѣни задумчивыхъ соснѣ. Вокругъ насъ благоухало куреніе ихъ бальзамической смолы, расшопленной полуденнымъ жаромъ.

Куда пойдѣмъ мы, спросила шы; куда поведѣшь меня мой геній хранишель, ошвѣчалъ я, — и обруку съ нѣжнопопечишельной дружбою мы шли,

не чувствуя усталости. О для чего эшопъ пушь былъ шавъ корошюкъ, какъ земная радость!

Открылись равнины, и мы изъ прохладной сѣни, подъ знойнымъ солнцемъ!

На лѣво шуманъ пыли, какъ шашеръ раскинулся надъ царствомъ Москвы.— Не видно огромныхъ зданій. Изрѣдка мелькало сіяніе золотыхъ главъ надъ церквями сей обширнѣйшей Столицы. Гулъ заботливой и шумной суетности ея многочисленныхъ жилищей не достигалъ до насъ болѣе.

На право волновалось золотое море благословенной жашвы. За нею, въ долину углубленной, едва видѣлись смиренныя хижины поселянъ. Онѣ, какъ будто шайлись, усрашенные великолѣпіемъ и могуществомъ Столицы!

Предъ нами кладбище, осѣненное печальными крестами и надъ нимъ блестящій крестъ, освѣщенный полнымъ сіяніемъ солнца, какъ бы висящій въ воздухѣ, указывалъ шѣсный, въ шѣни деревъ сокрытый храмъ Того, Кого храмъ вселенныя вмѣстѣ не можешь.

Смирись сильные земли, ободрись угнетенные! Сіе хранилище разрушенія и шѣна, сей союзникъ смерти, и сама смерть, власшпшельница жизни среди васъ, и, какъ праведный примиритель слабости съ силою, нужды съ изобиліемъ, ничтожества съ величіемъ, власши съ покорностію, свободы съ неволею всѣхъ и каждаго, въ часъ назначенный влечешь къ себѣ и всѣхъ смѣсишь въ одинъ прахъ!— Сполица и деревня, чертогъ Царя и хижина убогаго несущъ ей дань одинакую. Здѣсь равенство 'всесовершен-

ное; свобода и самому разуму, сему посланнику Неба. Здѣсь только, сбросивъ оковы тѣла, онъ разгадываетъ никѣмъ непосигнушую загадку: рожденія, жизни и смерти человѣка! — Здѣсь, во глубинѣ могилъ, надъ ними и окрестъ нихъ вѣшетъ оспрадной духъ свободы человѣческой. — Привлеченные симъ привѣстнымъ вѣяніемъ, движимые одинакими чувствами сердечнаго сшраданія, какъ будто во срѣщеніе надежды, къ себѣ насъ призывающей, мы усшремались къ сему жилищу успокоенія.

На камнѣ, до половины вросшемъ въ землю и покрытомъ сѣрымъ мохомъ, мы опдыхали, удаленные онѣ зависти и подозрѣній. Въ жилищѣ смерти мы дышали воздухомъ какой-то новой жизни!

О сколько я былъ сшасливъ. Рука швоя, сжашая моею, сообщала мнѣ шеп-

лошу живошворную. Я чувшвовалъ бi-
еніе швоего сердца, и въ немъ блажен-
ство моего собшвеннаго бышiя.—Твой
вздохъ , швой взоръ , шполь нѣжно ко
мнѣ обращенной, самое молчаніе швое,
все ушверждало меня въ моемъ благо-
получiи. Какое-шо сладостное умиле-
ніе наполняло всю мою душу.

Какъ бы я желалъ никогда не пови-
дашь руки швоей , какъ бы желалъ ,
чшобы она была вѣчно моею! — Я увѣ-
ренъ , и никогда не разшанусь съ
эшою увѣренностію, чшо сердца наши
рождены для взаимнаго счастья , чшо
они во взаимномъ соединенiи пости-
гли бы великое предназначеніе своего
сущесшвованiя , и великое знаніе впло-
нѣ наслаждашься благомъ жизни. По
эша увѣренность , какъ могила, погла-
щаетъ мои послѣднiя радости! Одно
ушѣшишельное упованіе, одно всесо-

вершенное убѣжденіе въ нѣжномъ и вѣчномъ швоемъ ко мнѣ дружествѣ? Какъ неизмѣнный шоварищъ, надежда, никогда непокидающая спраждущихъ, вездѣ и всегда будешь со мной; она сохранилась во глубинѣ души моей, какъ сокровище, кошорымъ украсится другая половина печальной моей жизни. Она согрѣенѣ для меня хладъ могильной, она освѣшилѣ мрачность сего послѣдняго присшанища.

Васъ, души усопшихъ, призываю въ свидѣшели. Вы чинаете во глубинѣ сердецъ; вы провидите шайныя помышленія. — Вамъ ошкрыша истина словъ моихъ. Она шакъ непремѣнна, какъ смерть, здѣсь власшвующая и для всѣхъ неизбѣжная! Васъ призываю....

Но внезапной шрепешъ, какъ ударъ молніи, пошрясѣ весь сосшавъ мой и

положилъ молчаніе на устахъ моихъ. Руки мои дрожали, и я слышалъ голосъ цѣпей, кошорыми онѣ были опущаны! — Такъ я невольникъ, я рабъ судьбы непріязненной. Руки мои связаны ею; но какая власшь можешь связать волю чувствъ моихъ? Они свободны, какъ душа за предѣлами гроба. Кшо остановишь быспрый полешъ ея на пуши къ своему блаженству. Она спремишя къ тебѣ ПЛ, жаждешъ бышь швоею; она швоя и здѣсь и тамъ!

О дѣва скромности не пошуплай голубыхъ швоихъ взоровъ, не отвергай моихъ ласканій, они непорочны, какъ любовь небесная; не переспавай бышь моей опрадою, моимъ Ангеломъ ушѣшишелемъ, моею подпорою на семъ пуши скорбей. Не спрашисъ предашья свободѣ швоихъ иѣжныхъ чувствованій.

Будемъ вѣчно соединены узами свяшаго дружества и шѣмъ сліяніемъ во едино нашихъ желаній, намѣреній, надеждъ и самыхъ мечшаній, ошъ него раждаешся божешвенная гармонія душъ. Усладительные звуки ея непонышны для сихъ сыновъ земли, для сихъ рабовъ предразсудка и для шѣхъ мрачныхъ эгоисшовъ, кошорые глядяшъ и на самое солнце съ злобною завистию за шо, что оно освѣщаешъ все и всѣхъ. Они бы желали и свѣшъ и шеплошу собрашъ въ одинъ лучъ, чтобы освѣщашся и согрѣвашся только однимъ. Тогда съ шоржешшвомъ шопрѣли бѣ они на весь міръ, гибнущій ошъ мрака и холода!

Ошъ сихъ ли каменныхъ и заживо мершвыхъ сердецъ ожидашъ намъ одобренія? и на что намъ оно? Мы сами найдемъ его во глубинѣ собешвен-

ной души, въ сладости ея внушеннаго ощущенія, доколѣ Всепромыслишельная Премудрость благоволишь положишь предѣлъ земному нашему странствію, ибо она всему положила предѣлъ! Тогда наступитъ время, и кто знаетъ, далеко ли оно отъ насъ; тогда ты нѣжностію друга, улыбкою Ангела облегчишь тяжкій переходъ отъ жизни къ смерти. Тогда въ послѣдній разъ проводишь меня къ сему безмятежному жилищу и осыпишь гробъ цвѣтами, орошенными слезою нѣжной дружбы и любви! —

Если бы Всевышнійсудилъ людямъ своимъ невозвратно окончить здѣсь на землѣ бытіе свое; но какъ прекрасно продолжишь оное въ швоемъ воспоминаніи, какъ въ небесномъ изображеніи добра и добродѣтели; но если жизнь наша еще не исчезнетъ за гро-

бомб, шбмб пріяшнѣе ожиданіе свиданія, шбмб прелестнѣе швое обо мнѣ памяшованіе; пошому что я непрешанно буду швоимб соглядашаемб, какб духб вездѣсуцій, повсюду и всегда сб шобою: вб сіяніи упра, вб сумракѣ вечера, вб прохладномб вѣяніи вѣпра, вб благовоніи цвѣшовв, во свѣшѣ луны и вб теплошворныхб лучахб солнца. Во всемб, что шолько будешб сохра- няшь, ушѣшашь и веселишь мою ПЛ.—

Довольно, довольно, шихо она сказала мнѣ, и вспала сб камня. Рукою шрепешной крѣпко сжала мою руку, другою указывала на небо, шуда ушшремлены были ея взоры и вся душа во взорахб. Она какб бы бесѣдовала сб Незримымб. — Пошомб взглянула на меня, какб глядѣшб на предметб намб любезной; но навсегда ошв насб похищаемой. . . . опушила покрывало.

Я слышалъ ея вздохъ! — Безмолвно
возвращались мы съ кладбища. Толь-
но вѣшеръ, волнуя, взвѣвалъ иногда
ея бѣлый покровъ и я видѣлъ, какъ
блеснѣли слезы на голубыхъ ея гла-
захъ! —

ПРОРОЧЕСТВО.

Замолкнулъ гласъ священнаго кимвала ,
 Скрижалъ небесъ разбиша для земли :
 Душа шворенья прорицашъ пресшала ;
 Преданій громъ чушь слышался вдали .

И человекъ , покорный гласу воли
 И гласу сердца , идоловъ создалъ ,
 И временнымъ спихіямъ сей юдоли ,
 Забывъ Творца , онъ жершвы воскурялъ :

И чшожь ? Испоргнувъ шайну роковую
 У ешесшва , разшлѣннаго грѣхомъ ,
 Преобразилъ онъ Скинію Свяшую
 Пророковъ ложныхъ въ нечесшивый домъ !

Вопшь Пивіа вѣщаешъ въ изспуленьи,
 Додонскій лѣсъ шаинспвенно прорекъ
 Дельфійскаго провидца мановеньемъ,
 Всевѣдущимъ спашъ падшій чловѣкъ!

Вдругъ спихло все, какъ будшо предъ грозою,
 Замолкнули всѣ капища боговъ,
 И возвѣщенный свѣшлюю звѣздою,
 Явился въ міръ Надежда всѣхъ вѣковъ!

И Божій духъ почилъ надъ шайнымъ Словомъ;
 Онъ провѣщаль, какъ юныхъ дней Пророкъ;
 И снова все безмолвія покровомъ
 Одѣлося, — погасъ въ лучахъ воспокъ:

Душа шворенья прорицашъ пресшала,
 Замолкнулъ гласъ священнаго кимвала!

М. Лихоминъ.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

(ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ*)

CANZONE XIV.

Пошокъ живой, прохладной, чистой**,
 Спыдливо ласпившійся къ шой,
 Въ кошорой женшвенность блисшаешъ всей
красой;
 Счастливыи шополь серебряшой,
 Ты, у кошораго она склоняся,

---

* Знашоки Ишаланскаго языка увидяшъ въ эшомъ переводѣ мысли Пешрарки, но не найдущъ его очаровашельной сладости, его гармоніи, — она не передаваема; и переводчикъ, предупреждая кришику, самъ сознаешся, что переводъ его ешъ — слабая, блѣдная копія съ прелешной каршины. *Перев.*

** Должно представитъ, что Петрарка, давно уже шлюбленныи въ Лауру, въ изступленіи любви, шотѣ на берегу Сорей, гдѣ предназначитѣ онѣ для себя мѣсто погребенія.

Покоилась — и эшопъ часъ
 Я вспоминаю всякой разъ
 Съ невольнымъ вздохомъ и шоскою ; —
 Лужайка, гдѣ она въ цвѣшахъ надъ муравою
 Лешала Ангеломъ въ одеждѣ голубой ;
 Ээирная лазурь , гдѣ надъ волною зыбкой
 Качаяся Эрошь съ привѣпливой улыбкой ,
 Навель мой взоръ на взоръ ея , —
 Въ послѣднія минушы бышія
 Къ вамъ рѣчь печальная моя !

* * *

Когда ужъ небо присудило,
 И грозный рокъ опредѣлилъ,
 Чшобъ я — пришлецъ земли унылой —
 Любви своей не пережилъ,
 Чшобъ плакалъ и — любилъ, сближаясь съ мо-
гилой, —
 Хошь праху моему не опскажише вы
 Въ успокоеніи , кошораго , увы !

Для сердца я на сей землѣ несчастной

Искалъ и долго и напрасно.

Не шакъ шяжелъ мнѣ будешь смершный часъ,

Спокойнѣе закрою вѣжды,

Когда, услышавъ мой завѣшный гласъ,

Вы не обманеше моей надежды.

Тамъ—въ приспани безвѣшной, неземной,—

Тамъ духъ прискорбный мой,

Разспавшись съ удрученнымъ шѣломъ,

Спознаешся съ другимъ — счасшливѣйшимъ

удѣломъ.

* * *

Кшо' знаешь, можешь бышь, она когда нибудь

Попрежнему придешь на брегъ сей ошдохнушь

И здѣсь — подъ шѣнію прохладной,—

Гдѣ видѣла меня когда-шо въ день опрадной,

Чело умильно наклона,

Поищешъ взорами меня

И—вѣришь ли мечшѣ оправдой? —
 Надъ першюю моею распрогаешься хладной,
 И сладосшно, шакъ сладосшно вздохнешь,
 Такую нѣжную слезу съ рѣсницы сровишь,
 Чшо небо къ жалосши преклонишь
 И миръ на прахъ мой низведешь,
 И шѣнь скорбей съ души спрадальца сто-
 нишь.

* * *

Я помню—вспоминашь объ эшомъ сладко мнѣ—
 Я помню, какъ она подъ шѣнюю древесной,
 Склонясь, сидѣла въ шишинѣ
 Смиренна и скромна— въ сiянии чудесной,
 Невыразимой красосшы;
 Надъ нею облакомъ влюбленные цвѣшшы
 Вились и падали: иные
 На кудри. золошшы,
 И ожемчуживали злашо власъ;
 Иные на одежду голубую;

Иные на берега и на воду живую ;
 Иные шамъ и сямъ носясь ,
 Свиваясь съ воздушною спруёю
 По волѣ рѣзвыхъ вѣперковъ ,
 Казалось , шепшали межъ собою :
 „Здѣсь царшвуешь любовь.“

* * *

О, сколько разъ погда я повпорялъ , дивясь :
 „Она въ раю, конечно, родилась.“
 И, очарованный улыбкой и рѣчами ,
 Я долго обводилъ прелесшную очами,
 И долго воздыхалъ шайкомъ ,
 И въ забышьи швердилъ дрожащими усшами :
 „Когда и какъ пришелъ я въ эшошъ край?“
 Казалось, предо мной разцвѣлъ въ шо время
 рай.
 Съ шѣхъ поръ и эшошъ лугъ и эшошъ берегъ
 мшишый
 И эши воды серебришы,

Сроднившись со мной, оспрадой вѣюшь мнѣ. . .
 Мнѣ — сиропливному въ подлунной споронѣ.

Когда бы на шебѣ , о дочь моей печали ,
 Неубранная пѣснь моя ,
 Наряды пышные блиспали ,
 Кошорыми шебя желалъ украсишь я , —
 Ты смѣло бѣ изъ лѣсовъ прошла во всѣ края
 И въ городахъ шебя какъ госпью бы впрѣчали.

Раиць.

П О Ж А Р Ъ.

Ударъ въ кремень — и искра пала,
Кускомъ спальнымъ извлечена,
Едва примѣшная сначала,
Все разгоралася она.
Вдругъ вѣспрь пахнуль и быспрый пламень
По сводамъ храма пробѣжалъ —
И ни вода, ни швердый камень
Огня порывъ не удержалъ!
И гдѣ величье, храмъ прекрасный?
Теперь шамъ груди кирпичей.
Не сердце ль — храмъ, а пламень — спрасшный
Порывъ любви, порывъ спрасшей?

Л. Якубовиць.

Есть пошери, кажешся, ни чѣмъ не вознаграждаемыя для человѣка въ нѣкошорыхъ лѣсахъ. Я воображаю себя, ошецъ, похоронившій всѣхъ дѣшей своихъ! Ни виды чесшлюбія, ни богашсво, ни пріяшности общесшва, ни самыя дружескія связи не замѣняшъ шебѣ радосшей опца семейсшва, кошорыя шы узналъ для шого, чшобы послѣ сильнѣе чувсшвовашъ ихъ лишене. Лѣша, или разсшроенное здоровье опшняли у шебя надежду снова услышашъ изъ усшъ милыхъ пшенцовъ шо лесшное названіе, при кошоромъ шакъ сладосшно шрепешало швое сердце; жизнь разочарована; будущее мрачно;

міръ день ото дня пущыиннѣе; мечпы уже не украсяшъ его; сущесивенность удѣлила тебѣ однѣ воспоминанія: ты сирота безвопрадный! — И шакъ, ужели въ могилѣ, въ одной лишь могилѣ, на копорую ни кто не придетъ, собрались всѣ земныя надежды твои? — Нѣшъ, благое Провидѣніе спѣшишъ къ тебѣ на помощь; велишъ благословишъ жизнь, какъ даръ благодашный; населяешъ тебѣ сію обитель одиночешва; открываешъ тебѣ новый источникъ наслажденій, доселѣ неизвѣсныхъ твоему сердцу: Оно говоритъ ему: *» есть и для тебя радости «* — и указываетъ тебѣ на эту вешхую кровлю, на эшотъ шемный подвалъ, гдѣ спонушъ сироты; лишенныя заразою отца и машери.* Дай имъ жизнь, прокорми,

---

* Эшо писано вскорѣ послѣ холерной заразы въ Москвѣ.

одѣнь , воспишай ихъ ; раздѣли скучный день свой на часы , въ кошорые займешься ими , — и день швой пролепишь на крыльяхъ удовольствія . Смотри , кто идешь шамъ слабыми шагами , съ мершвою блѣдносною на лицѣ , съ видомъ безчувственнаго опчаянїя ? Эшо вдова , эшо машъ семейства . Она спупаешь робко , пошупивъ глаза , не смѣя взглянуть на шебя ; она не привыкла просишь , — но она машъ ! — просила , въ первый разъ , для дѣшей , . . . жестокіе опказали ! . . Она возвращаешь съ пусшыми руками . . . нѣшь — она лишена и сей опрады — у ней на рукахъ младенецъ ! Иди , бѣги за нею ; взойди опшорожно въ ея печальное жилище ; не вспревожъ робкаго убожества , — несчастные засшѣчивы ; — остановись у дверей : шамъ , въ углѣ , двое малюшковъ , одѣшыя въ лоскушья , дрожащъ , и жмушся другъ къ другу ;

спужа захвашываешъ имъ дыханіе.
 » Маминька! маминька! хлѣбца! хлѣб-
 » ца! « — » Друзья мои, завтра... нѣшъ!
 » можешъ бышь и нынѣ... погодише...
 » не плачьше. Боже! пошли еще нѣс-
 » колько капель молока грудямъ мо-
 » имъ! « Какое ужасное зрѣлище являеш-
 ся предъ шобою! уже младенецъ на хо-
 лодномъ полу; шеспи и пяшилѣшній
 у грудей! но въ нихъ истощился пи-
 шашельный источникъ... Страшный
 взоръ на небо гошовъ... Поспой, нес-
 чашная! Онъ милосердъ: Онъ привелъ
 ошца къ швоимъ дѣшямъ.

А шебѣ, богачъ осирошѣлый! Онъ
 ошдалъ дѣшей швоихъ, и, пославъ ше-
 бѣ рай . въ здѣшнемъ мірѣ, пригошо-
 вилъ вѣчный въ будущемъ!

Николай Ивангинъ-Писаревъ.

Э Л Е Г И Я

БОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ Св. ГРИГОРІЮ
НАЗІАНЗИНУ.

*Посвящена Его Сіятельству Князю Александру
Николаевичу Голицыну.*

Вчера въ лѣсу , я грушью увлечень ,
Сидѣль одишь и сердцемъ сокрушень .
Когда мой духъ волнуешя шоской ,
Ошрадно мнѣ бесѣдовашь съ душой .
Вездѣ кругомъ дремала шишина ,
Мнѣ вѣяла душистая весна ;
Едва журчалъ лѣнивый ручеекъ ,
И на цвѣсахъ улегся мошылекъ

Хоръ вѣжнѣй пшицѣ, вечернѣй пламень дня,
И запахъ справъ лелѣяли меня.

Но я на всё безъ радости смошрѣлъ, —
Развеселишь я горе не кошѣлъ;

Въ смяшенѣи думъ не шагосшна печаль,
Разспашься съ ней душѣ, какъ будшо, жаль;
Мой духъ кипѣлъ, я спрашивалъ себя:

Чшо я шеперь, чшо былъ, чѣмъ буду я? —
Незнаю самъ, и знашь надежды вѣшь;

И гдѣ мудрецъ, кшо бѣ могъ мнѣ дашь ош-
вѣшь? —

Въ шакой-шо шмѣ, безъ цѣли я лечу,
И шѣни вѣшь шого, кого хочу.

Мяшежныхъ чувспшвѣ губишельный обманъ
Вкругъ падшихъ насъ бросаешъ свой шуманъ,
И я кружусь, обманушь ложнымъ сномъ,
Въ дыму суешъ, какъ въ облакѣ гусшомъ.
Какъ ошъ меня далѣкъ вчерашнѣй день!

Промчался онъ—я съ нимъ пропалъ какъ шѣнь...
И ешъли мнѣ еще до ушра жишь,

Кшо скажешъ, гдѣ, и чѣмъ, и какъ мнѣ бышь?—
 Уже шѣхъ волнь мы въ морѣ не найдемъ,
 Кошорья въ немъ разъ переплывемъ. . . .
 И человѣкъ, лишь мы распались съ нимъ,
 Не шѣмъ чѣмъ былъ, но вспрѣишь насъ
инымъ.

И разумъ мой сомнѣнье облегло;
 Лѣша сребряшъ усшало чело,
 А знаюль я, за чѣмъ рождень на свѣшъ,
 Чшо жизнь моя? — шѣ дни, кошорыхъ нѣшъ...
 Какъ бурный шокъ, пролешная вода,
 Теку — спремлюсь — изчезну навсегда;
 Удѣль мой — гробъ; сегодня человѣкъ,
 А завшра — прахъ. — Уже ли прахъ на вѣкъ?
 Иль въ смерши жизнь намъ новая дана? —
 Надежда льсшишь, но шайна въ немъ спра-
шна. . .

О! кшо же шы, безсмершіемъ дыша,
 Ошкуда шы, нешлѣнная душа!

Ты, Божество являешь мнѣ въ себѣ ;
 Ошкниъ порокъ — и вѣрю я шебѣ ;
 Кшо чистый духъ могъ въ шѣло заклю-
 чить?

Кшо мершвеца велѣлъ шебѣ носишь ?
 Я сынъ грѣха — и Божій образъ я !
 Сними же цѣпь, влекущую меня ,
 Услышашъ дай шамнспвенный привѣштъ ;
 Но шьма шеперь — а завшра будешъ свѣштъ ,
 И будешъ шы сгараема огнемъ ,
 Иль въ небесахъ предъ Богомъ и Ошцемъ, —
 И шамъ сама, какъ Ангель чистопы ,
 Увидишь все , и все узнаешъ шы. . . .

Я шакъ мечшаль — и вдругъ мой спрахъ
 исчезъ.

Нашпала ночь , и я оспавиль лѣсъ ,
 И на пупи въ пріюштъ укромный мой ,
 То самъ себѣ надъ здѣшней суешой

Смѣлся я, но вновь смущалъ мой умъ.—
Минувшій мракъ его превожныхъ думъ.—

Иванъ Козловъ.

К Ъ Н.

Вчера , задумавшись , Климена указала
На рощи ближнія , на дальнія поля :
Вездѣ младая жизнь блискала ,
И упоенная любовію земля ,
Какъ гопья на пиру весеннемъ , ликовала
Въ одеждѣ праздничной своей ;
Душистой зеленью долина ушилалась ,
И шихо нива колыхалась ,
Какъ грудь красавицы швоей . . .
Но шы задумчивый , унылой
Не видѣлъ прелесшей весны ,
И на груди подруги милой
Дышалъ желаніемъ и славы и войны. —

Ө. Глинка.

С Т И Х И

(ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ ШИШЬЯ ВЪ ПОЛЬЗУ БѢДНЫХЪ
СИРОТЪ).

Прими завѣшное шишье,
Какъ лепшу сирья вдовицы,
Какъ звукъ священныя цѣвницы —
И все наслѣдіе мое.

Цвѣшы мои, какъ аромашъ,
Доброшу чувшва изпаряйше,
Въ госпинныхъ вѣсмъ напоминайше,
Чшо помощь сирымъ сердцу кладъ.

А шы вѣнокъ, воспѣшый мною,
Главу опрадно украшай,

О сиропспвующихъ порою
Душѣ равно напоминай.

И шы мой песь въ пунсовомъ полѣ ,
Эмблема вѣрности земной ,
Служи шы сирымъ — чшо же болѣ
Скажу прощаяся съ шобой.

П Е Т Р У С Ъ .

М а л о р о с с і й с к і й   а н е к д о т ь .

П о с в я щ а е т с я   И . П .   К о т л я р е в с к о м у .

Кшо бывалъ въ Полшавѣ, пошъ вѣрно помнишь Александровскую улицу, ошъ памяшника къ Собору, усаженную высокими подборисшими шополями, кошорые въ лѣшнюю мѣсячную ночь, шихо колеблемые вѣшромъ, даюшъ ошъ себя шакую очаровашельную шѣнь. Здѣсь на углу, близъ горы Понянки, кошорой недавно еще до проложенія новой дороги мучась взбирались прѣвзжіе изъ разныхъ верхнихъ городовъ, жилъ нѣскольکو лѣшъ шому

назадъ зажишочный козакъ Скоробрешенко. Онъ промышлялъ шорговлею, ибо шогда еще мало было Русскихъ купцевъ въ Малороссіи, — и очень выгодно, благодаря расшоропности, усердію и смышлености своего приемыша, кошорый выросъ у него на рукахъ, и возмужавъ, сдѣлался надежнымъ помощникомъ. Можно даже сказать, что Пешрѣ былъ полнымъ хозяиномъ въ домѣ, ибо вдовый козакъ, по старой памяти, любилъ гораздо лучше за пославцемъ горилки разговаривать съ своими шоварищами о Гешманщинѣ и объ удалыхъ подвигахъ своихъ предковъ, чѣмъ возишься въ огородѣ, около вѣсовъ или за кормовъ. Пешрѣ ходилъ у него за шаранью на Донъ, и за дегшемъ въ Кременчугъ, и шорговалъ въ лавочкѣ, и сажалъ капусту, и велъ денежные счешы. — Надо признашья, что сироща подвѣ конецъ шрудилъ

шакъ ревностно не безъ корыстныхъ видовъ: Нашалка, единственна дочь шарикова, съ кошорою онъ вмѣстѣ выросъ и воспитался, ему полюбилась. И въ самомъ дѣлѣ эта дивчина во всемъ околоскѣ славилась своими дошпоиншвами: разумная, до всякаго дѣла дошепная, шрудящая, почшишельная, и при шомъ чернобровая, черноглазая, бѣлая, румяная. — Когда она выходила наряженная въ церковь или въ клечану недѣлю на улицу, или къ подругамъ на вечерницы, шо вся Полшавская молодежь на нее заглядывалась. Никшо лучше ея не умѣлъ укладывать сизыя селезневья перушки на вискахъ, и косы кружкомъ на головѣ съ желшогорачими гвоздиками. Въ пешрой плашѣ, съ червонною запаской, изъ-подъ кошорой выказывалась сорочка, вышешая за-полочью, вся въ леншахъ цвѣшныхъ на шеѣ дукашы и добрыя намышы, —

ну словомъ любо-дорого смотрѣшь. — Такъ и подвершывались къ ней шогда удалые хлопцы играшь въ хрещики, или горюдуба, или плясашь голубца. Такъ и подспупали къ ней, *выкрутасомъ*, когда она, въ дробушкахъ, пошупивъ глаза, опусшивъ руки, мялась на мѣсѣ или цоная подковками на лешу раскачивалась. — Годъ ошъ году Пешрусь любилъ ее больше и больше, и старался приобрѣшашь ее благосклонность. Дома, разумѣешся, онъ не допускалъ никакой шяжелой работы до бѣлыхъ ея ручекъ. Сходишь ли въ грязную пору на рынокъ за припасами, принести ли воды изъ колодца, заколошь ли порося, зарѣзашь ли индича или баранца, — онъ бросалъ свое дѣло, уговаривалъ даже покупщиковъ дожидаться, и шощасъ исполнялъ всякое желаніе и просьбу своей любезной. За шо и у Пешруся хушки были

всегда узорнѣе сшариновыхъ, за шо и Пешрусю прежде всѣхъ въ домѣ бывало гошова снѣданіе, за шо и Пешрусю во время ярмонокъ сама Нашалка приносила въ плешеномѣ кошикѣ горячій борщъ съ саломъ, баранною и куркою, пампушки съ олеею и лукомъ, корши съ макомъ и медомъ. Такимъ образомъ услуживая другъ другу, забавляя другъ друга, они любились счастливо въ прошомѣ сердечной, но когда у Пешруся началъ жесче пробивашься усъ, когда у Нашалки грудь начала поднимашься выше при какой нибудь замысловашой пѣснѣ, шо ихъ веселая беззабошная жизнь ошѣнилась новыми, пріашными и неприяшными чувшвами: и ей было скучно, когда онъ долго не ворочался съ Рѣшешиловки или Опочки, и ему было досадно, какъ она съ кѣмъ другимъ забавлялася, пѣла или плясала. Они ужъ сшали и спыдишьяся

и краснѣшь другѣ друга, а иногда чрезѣ чурѣ и вольничашь. Злые глаза эшо подмѣшили, а злые языки начали разпускашь о дѣвушкѣ худую молву. Эшо дошло и до нее. Однажды, какѣ на вечерницѣ одна зависшливая дивчина, намѣкнула ей о невѣрности Пешруся, а другая, засшарѣлая, попрекнула ее сомнишельнымѣ поведениемѣ, она ворошилась домой вся вѣ горькихѣ слезахѣ. »Що зѣ шобою зробилось, чо го шы шакѣ сумуешь? спросилѣ ее Пешрусь, всшрѣвшись сѣ нею на дворѣ.«—»Та все черезѣ шебе, ошвѣчала всхлипывая Нашалка.«—»Якѣ черезѣ мене, сѣ чего се шы взяла, щобѣ я бувѣ шакій лыхій чоловікѣ, щобѣ довивѣ шебе до шакого горя.«—»Та якѣ бы шы бувѣ не лыхій чоловікѣ, не розносивѣ бы про мене шакого сраму; на що шы выхвалявся всѣмѣ, що я.... що шы... А шеперьѣ всѣ люди чоршѣ зна, що

про мене думаюшъ. « Напраслина огорчила Пешруся; онъ спарался разувѣришь чувствительную дѣвушку. » Я тебѣ люблю, якъ никого на свѣшѣ: чи можно, щобъ я сшавъ выгадывашъ про тебѣ? « — » Та колы ты мене любишъ, чомъ же ты не скажешъ башькови про се, я и сама люблю тебѣ. « Можно предшавишь себѣ, какъ обрадовался доброй малой шакому нечаянному объясненію, на которое хошя онъ до сихъ поръ и надѣялся, но за шо сшолькоже и боялся прошивнаго. Минушная досада и обида были вознаграждены слишкомъ. Онъ раздѣловалъ свою милую, и по прошествіи первыхъ минушъ любовнаго восшорга, они уговорились, какъ объявишь ошцу взаимное желаніе. Пешрусь ошашъ робѣлъ, но Нашалка ободрила его, сказавъ чшо ошецъ любишъ его какъ роднаго сына, и часшо, предъ гощями

даже, все свое благосостояніе приписываешь неусыпнымъ трудамъ дорогаго приемыша. — Чшо могло болѣе ручаться за успѣхъ. Въ первое Воскресенье, помолясь усердно передъ образомъ, одѣвшись въ лучшее плашье, пригладивъ гладенько кваскомъ волосы, пришелъ Пешрусь къ сшарому козаку, повалился въ ноги и началъ: » Ты бувъ для мене бильше ніжъ ридный башько, никола не лаявъ мене безъ нужды, обходився зо мною, якъ зъ риднымъ сыномъ. А шеперь пришовъ шебе просишы о послѣдней милосшы.« — » О якій? « — » Ошдай за мене дочь свою Нашалку.« Сшарикъ, удивленный такою неожиданною просьбой, не можешъ, задыхавшись съ сердцовъ, выговоришь слова, а Пешрѣ, принимая эшо молчаніе за доброй знакъ, въ жару, продолжаетъ: » я давно вже люблю Нашалку, и вона мене любишь; мы будемъ цѣлый вики

зб нею молышь за шебе Бога, будемь
любышь шебе онь всего сердца, и дѣ-
шы наши, колы воны будуть «...» Якъ!
я, «перервалъ наконець шарикъ, пе-
реведши духъ, »я ошдамь дочь свою
за чоршъ, башька, зна кого, що ни
роду ни племени, якъ бурлака, або
якъ голодряпецъ! Чи шы сказывся,
або вѣ умѣ повередывся, або мабудь
яка вѣдьма обморочила шебе? — Ось
дочего доживѣ я: згодовавѣ порося,
а шеперь зробылась свынья, бачь яку
шкоду вробыла. Убирайся вишселя,
вражій сыну, и на очи не попадайся;
а не шо я шобѣ зверну голову на спо-
рону. « — Ошолбенелъ мой бѣдный Пе-
прѣ. Слезы вѣ при ручья изѣ глазѣ у
него покашились. » Побыла жѣ мене
лыха година ша несчастлива, «сказалъ
онѣ ошходя къ двери, »прощай шашу,
спасыби шоби за хлѣбѣ за силь, спасы-
би шоби, що шы мене дышиною пры-

юшывъ , нехай шоби за се Господь заплашышъ , а мыни ничымъ шебѣ опдьяковашъ . Просшы мене сырошу , що я обидывъ себе , що давъ сердцю своему волю . Прощай шапу на вики ! « Съ сими словами онъ вышелъ изъ хашы : въ сѣняхъ дожидалась его Нашалка . Одинъ видъ его поразилъ ее какъ громовымъ ударомъ . » Нема шалану , « чущь выговорилъ несчастный , громко рыдая , поцѣловалъ ее горячо , обезпамяшѣвшую ошъ ужаса , и выбѣжалъ изъ дома , куда глаза глядѣли .

Пешпруть , надо опдашъ чесшь его разсудку , скоро опомнился , въ первой деревнѣ , и сообразилъ чшо бѣдностъ была единственною причиною Скоробрешенкова ошказа , и чшо эшому горю пособишь еще можно : споишъ какъ нибудь нарабошашъ сшолько денегъ ,

чтобъ прельстишь расщочительнаго шарика, копорой по всѣмъ расче- шамъ долженъ былъ вскорѣ почувство- вать въ нихъ понудительную нужду.—

Съ такимъ рѣшеніемъ идешь Пешрѣ въ Кременчугъ къ купцу, знакомому ему по прежнимъ торговымъ оборо- шамъ, и на эшотъ развѣ счастье ему по- благопріятствовало: онъ поступаетъ въ прикащики, въ продолженіи времени пріобрѣтаешь большую и большую до- вѣренность, оказываешь случайно важ- ную услугу на ярмаркѣ, получаешь въ награжденіе порядочную сумму, входишь къ купцу въ долю, берешь на нее по особливому счастью значишель- ный барышъ, и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько времени, не считая прохо- дящихъ дней, а считая шолько полу- чаемая деньги, не смотря на дорогу, а шолько на цѣль, накопишь двѣ тысячи рублей.

Получивъ послѣдній рубль, объяснив-
шись съ хозяиномъ и поблагодаривъ
его за милосши, спѣшилъ онъ домой.
Какъ взволновалась его кровь, когда
подъ вечерокъ, вышедъ изъ послѣдняго
селенія, увидѣлъ онъ на горѣ свою роди-
мую Полшаву! Онъ не шелъ, а бѣжалъ, и
около сумерекъ добрался до городской
горы. Сердце его выпрыгнуть хочешъ.
Не заходя на посшоялый дворъ, въ до-
рожной свишѣ, запыленной, небришой,
поворачиваешъ онъ къ Скоробрешенкову
дому. Онъ ужъ не бѣжитъ, а лешитъ...
Нашалка! сей часъ я увижу себя, по-
цѣлую. — Пешрусъ надѣешся, что все
заспанешъ на прежнемъ мѣстѣ, въ
прежнемъ видѣ; онъ позабылъ, что
пять лѣтъ его не было дома; онъ не
думаешъ, что въ такое долгое время
много воды можешъ ушечь... Шагахъ
въ пятидесяти, не доходя до дома,
вспрѣчаешся онъ съ женщиною, кошо-

рая, ведя ребенка подъ руку, съ коро-
мысломъ на плечахъ, въ изорванномъ
плашьѣ шла за водою. » Чи здравъ ли
панъ Скоробрешенко « спрашиваетъ ее
мимоходомъ неперпѣливый. . . . Но я
лучше для ясности расскажу здѣсь самъ
чишашелямъ, что случилось съ эшимъ
козакомъ и его дочерью во время ош-
сущствія Пешруся.

Гордый старикъ, который въ роду
своемъ считалъ многихъ хорунжихъ
и эсауловъ, который и теперь водил-
ся шолько съ чиновными людьми, по-
вышчиками, канцелярисшами, и цѣх-
миспрами, былъ въ себя ошъ негодо-
ванія, что безкровный сирота осмѣ-
лился свашаться за единственную дочь
его и наслѣдницу. Онъ рѣшился шощ-
часъ выдать ее за мужъ за одного изъ
своихъ пріяшелей, спараго волоснаго
писаря, который уже не разъ ему обв

эпомъ за вишневою и шерновкою заговаривалъ. — Въ нѣсколько дней, въ продолженіи коихъ бѣдная дѣвушка молча спонала по скрывшемся Пешрусѣ, дѣло было слажено, условія между шариками приняты и ушверждены, — и наконецъ опцевское приказаніе съ грознымъ окрикомъ объявлено: послушная Нашалка обвѣнчалась съ посшылымъ женихомъ своимъ.

Но хозяйство и торговля безъ обошливаго Пешруся пошли очень дурно. Любезный зящъ шолько что пилъ, гулялъ и игралъ въ при лисника съ дорогимъ своимъ шеспюшкой; Нашалка шолько что горевала и плакала; наншой башракъ норовилъ шолько свой карманъ набишь пошуже. Присмошрѣшь было нѣкому. Писарь, надѣясь на мнимое богатштво шариково, ошсшалъ даже и ошъ своей должности. Разходу домашняго прибавилось много, по-

купашели по разнымъ неудовольствіямъ мало по малу опспавали опъ лавки, должники долговъ не приносили, а заимодавцы своихъ шребовали, и часто обманушые спшали даже списывашъ крешники; спарикъ лишился довѣренности, а между шѣмъ все пилъ, пилъ,—и такимъ образомъ умеръ наконецъ разоренный и обезславленный. Имѣніе продали съ аукціоннаго шорга, домъ опняли за долгъ, и блѣдная Нашалка принуждена была опспавишь шихое свое обипалище, гдѣ была она нѣкогда сполько спасшлива, гдѣ обманчивая надежда сулила ей сполько радосшей. Куда дѣлась ея веселосшь, ея красосша? Какъ не похожа была эша блѣдная и худая женшина на прежнюю пышную Нашалку. Такъ въ корошное время блѣдное горе ея обезобразило. Жишье ея было самое печальное. Еще при опщѣ шерпѣла она много опъ своего брыз-

гливаго мужа, и изб-за кружевовъ при-
нуждена была принясья за самыя
черныя работы; шеперь безъ послѣд-
няго засшупника, кошорый, проспрез-
вась, иногда все шаки замолвливалъ за
нее слово, и удерживалъ грубіяна ошъ
излишесшвъ, по чужимъ угламъ, съ
кучею ребяшишекъ, она принуждена бы-
ла шерпѣшь побои, голодъ и холодъ,
изсохла какъ былинка, и почши ослаби-
ла ошъ слезъ, лившихся денно и ноц-
но при мучишельныхъ воспоминаніяхъ
о незабвенномъ Пешрусѣ.

И ее-шо вспрѣшилъ безшаланный
хлопецъ ворошась въ Полшаву. Мы ви-
дѣли, что не узнавъ ее въ пошьмахъ,
онъ спросилъ ее о здоровьѣ пана Ско-
робрешенки. «—» Нема вже его на сви-
шѣ, « ошвѣчала женщина неподнимаю го-
ловы. . . . Въ голосѣ слышалось что
шо слишкомъ знакомое. Пешрусъ вздро-
гнулъ. Господи! неужели эшо она?

Испуганный, невольно онъ оспанавливается, не знаешь на что рѣшишься, наконецъ идешь вслѣдъ за нею къ колодецу. Тамъ пока опускаешь она бадью, всмаприваешься онъ въ обнянутое лице ея... Она! она! — Руки у него опустились, голова закружилась, какъ вкопанный оспаешься онъ на своемъ мѣстѣ, и съ полными слезъ глазами, смошришь за нею вслѣдъ, когда она, съ налишыми ведрами, пошла назадъ, шаща заплакавшаго ребенка.

Здѣсь заспалъ его чрезъ нѣсколько минушь знакомой приходской Священникъ, проходившій мимо, началъ съ нимъ разговоръ, узналъ его, и пригласивъ ночевать къ себѣ, пересказалъ несчастному приключенія Скоробрешенка и его семейства. — Что же сдѣлалъ Пешрусь? Развѣдавъ на другой день чрезъ Священника, за сколько денегъ взявъ домъ, за сколько попалъ въ шюрь-

му! Нашалкинъ мужъ, недавно посажен-
ный, и сколько имъ нужно на новое
обзаведеніе, ошсчиталъ сполна всѣ
деньги доброму посреднику и взялъ съ
него честное слово никому о шомъ не
сказывать. У него ошалося еще шо
восемдесятъ рублей. Завернувъ ихъ въ
бумагѣ, онъ послалъ ихъ шакже своему
шпарому другу чрезъ Священника, и
взявъ ошъ него благословеніе скрылся
изъ Полшавы шакъ, что уже съ шѣхъ
поръ обѣ немъ не было никанаго слуху.

Нашалка не долго пользовалась по-
лученнымъ благодѣяніемъ: она изчахла
съ горя, и шолько передъ смершію
имѣла еще нѣсколько сладосшныхъ ми-
нушъ, узнавъ, по чьей милосши обез-
печена судьба шроихъ ея сиротъ.

М. П.

СПЯЩІЙ МАЛЮТКА.

Когда разгораюшся щечки, и сонъ
Безпечно младенца лелѣешь,
Чѣмъ въ шихомъ видѣньи прельщаешся онъ?
Земное ль къ невинному вѣешь?

Нѣтъ! Ангелы неба шолпяшся вокругъ,
Его колыбель осѣняюшъ,
И повѣсью дивной въ младенческой слухъ
Эдема восшоргъ нацѣваюшъ.

И небо, и звуки чудесные шамъ
Малюшка и видишь-, и слышишь,
Смѣешся, и ярко по нѣжнымъ щекамъ
Румянецъ сквозь сонъ его пышишь.

Ознобишинъ.

М О Л И Т В А.

Развилось знамя непогоды,
Наспали пягоспные дни.
Взмолились грѣшные народы...
(Въ несчастьи моляпся они!)
Веселье храмъ свой зашворило;
Печаль воздвигла алшари;
Вельможъ несчастье усмирило-,
И пали ниць богашыри;
Какъ снаи пшиць передъ грозою
Молишвы робкія лешящъ;
Но небеса одѣлись мглою,
И недосшупныя молчашъ.

Дозрѣла шуча непогоды
И обошла весь міръ кругомъ;

Загрохоталъ небесный громъ . . .
 Въ несчастьи молящя народы !

Но вошь подъ рубищемъ спарикъ :
 Главою вешхою поникъ
 Предъ алшаремъ Творца вселенной . . . .
 „Куда заползъ пы червь презрѣнной ,
 Ему со всѣхъ споронъ кричащъ ;
 Нашъ шѣсенъ храмъ, — назадъ ! назадъ !“
 Но бѣдный спарець имъ не внемлешъ ,
 Онъ очи на небо возвелъ . . . .
 Паришь молишва, какъ орелъ,
 И Богъ орла его приемлешъ !
 Ликъ солнца снова просіялъ ,
 И мiръ . . . молишся пересшалъ.

Трилунный.

В Д О Х Н О В Е Н І Е .

(А . Я . П .)

Взглянише, молодъ я лѣшами,
Еще немного я спрадалъ,
Еще мой рокъ не поражалъ
Меня ужасными громами;
Но ахъ! уже мое чело
Давно поблекло, опцвѣло,
И смершной блѣдноспью покрышы
Мои увядшія ланишы!
Какъ спранникъ, коего въ пуши
Пожегъ Сагары вѣпръ палящій,
Такъ я скишаюсь здѣсь спенящій,
Пишая смершь въ моей груди.

Красы безмершныя природы
Сокрылись для меня во мглѣ,
И слѣдъ душевной непогоды
Начершанъ на моемъ челѣ.
Но иногда вдругъ оживишя
Попухшій блескъ моихъ очей,
Чело мгновенно прояснишя
И закипишъ въ душѣ моей
Везувья пламенная лава. . . .
Не взоры дѣвьямъ молодой,
Не успѣ пріяшная оправа
Въ меня огонь вливающъ свой;
Враждебный духъ надъ мной лепашъ,
Владѣшъ чувствомъ онъ моимъ
И душу алчно пожираешъ
Дыханьемъ пламеннымъ своимъ.
Его я жду, его спрашуся
Какъ часа смерти роковой;
Придешь — и пламенной рѣкой

Въ порывахъ бурныхъ разольюся! . . .

Его очей небесный блескъ

Въ меня восшорги проливаетъ ,

Но рѣчь его , какъ грома шрескъ ,

Гечешъ и духъ мой сокрушаетъ !

Пусшь грянешъ громъ шогда надъ мной ,

Пусшь пошрясешся сводъ небесный ,

Обьяшый мощною мечшой ,

Не поколеблюсь и надъ бездною !

О шы всемошный духъ , шерзающій меня! . . .

Какою силою къ шебѣ привязанъ я ?

Мнѣ сладки ошъ шебя и самыя мученья ;

Къ шебѣ я воззову изъ бездны разрушенья! . . .

Но можешъ бышь шебѣ не вяшенъ будешъ

гласъ ,

Въ кошоромъ вѣкогда гармонія лилась —

Бышь можешъ , что когда сокроюсь я могилой ,

На небо вознесенъ божешвенною силой ,

Я зрѣлъ какъ вѣчнось передъ нимъ
 Какъ гордая рѣка мгновенно прошекала! . . .
 Я зрѣлъ . . . . и живъ еще! — вездѣ хранимъ
побой ,
 Паря средъ пламени , беспрашною душой ,
 Я проникалъ небесъ невидимыя бездны

И хаоса разшоргнулъ мракъ безвѣспный
 И, исчезая весь въ возвышенныхъ мечсахъ ,
 Дивился я себѣ и здѣсь и въ небесахъ !

Такъ , пусшь пещешъ мой вѣкъ клубящейся
спезею ,
 Пусшь духъ мой здѣсь живешъ , спрадая и
шомясь ,
 Пока спраданиемъ съ безсмершьемъ примирясь ,

Не съединишся онъ съ побою !

Когда жъ на вѣки для меня ,

Блеснувъ лучемъ прощальнымъ въ очи ,

Закашищся свѣшило дня

Во мракъ вѣчной ночи,
 Приди ко мнѣ въ послѣдній разъ,
 Въ меня пролей швой огонь священный
 И благодарноши къ себѣ возвысивъ гласъ
 Прейду я въ вѣчнось, вдохновенный!
 И милые друзья, шоскуя, надо мной
 Воздвигнушь памятникъ смиренный и про-
 .спой,
 Безъ злаша, безъ вѣнка и чуждый украшенья;
 Но пушникъ на него прольешь благословенья
 И, наклонясь къ нему, со вздохомъ можешь
 бышь,
 Прочтешь на мраморѣ, подъ коимъ я сокрышь:
 „Здѣсь пламенный пѣвецъ скончалъ свои му-
 ченья;
 „Онъ жизни пушь прошелъ не славною спезей,
 „Но смершь прекрасная дана ему судьбой:
 „Онъ умеръ жершвою любви и вдохновенья!“—

Р О М А Н С Ъ.

Когда, распался ты со мною,
Меня забылъ;
Оспашься въ міръ съ одною
Во мнѣ вѣшь силъ.
И я любви узнала сладость;
Когдажъ пройдешь,
Погибнушь жизни цвѣшь и радость
И все умрешь!

*

Сей свѣшь прекраснымъ мнѣ казался
Тобой однимъ;
Во всемъ твой образъ отражался
Ты былъ моимъ.

Любишь — побою восхищаться
 Быль жребій мой;
 И съ чемъ же могъ погда сравняшься
 Мой рай земной.

*

Ищи въ *другой* любви шоль спраспной
 И будь вѣрнѣй;
 Пусть вспоминанье о несчастпной
 Погибнешъ съ ней.
 Ни чѣмъ себя я не плѣвила,
 Чшожь дѣлашь мнѣ?
 Но счастье *быть твоей* цѣвила
 Душа вполнѣ. —

... *ва.*

КЪ А В. С Е Р. Н О Р О В У.

ВЪ П Е Т Е Р В У Р Г Г ъ.

Въ шѣ дни, какъ Ангель - испребишель
Караль губишельной рукой,
По шогнамъ града блѣдный жишель
Бродиль, какъ призракъ гробовой,
Какъ Самъ Монархъ семью родную
Покинулъ, внявъ несчастныхъ спонь,
Принесь опраду неземную,
Гдѣ шолько появлялся О Н ъ, —
Въ шѣ дни, дѣлилъ шы скорбь съ друзьями
И зрѣлъ примѣръ передъ очами
Чшо можешъ Вѣра и любовь.
Тамъ врачъ, покрышый сѣдиною,

Для ближнихъ жершвуя собою ,
 Жаръ юноши повѣдалъ вновь .
 Тамъ въ бишвахъ съ смершію знакомый ,
 Священнымъ долгомъ увлекаемый ,
 Беспрашно воинъ молодой
 Къ одру болѣзненныхъ спремился :
 Спрадалецъ бодростью живился
 И разцвѣшалъ еще душой !
 А вопшь другой , къ спасенью брашій ,
 Подруги нѣжной изъ объашій ,
 Въ обишель грозную спѣшилъ ,
 Пилъ съ ними воздухъ смерши душный ,
 Самъ язву люшую цѣлилъ ,
 И — погибалъ великодушный !
 А эпошь паспырь душъ прямой ,
 Богашый словомъ , духомъ нищій ,
 Несъ бодро съ крошосшью свяшой
 Сосудъ божешвенная пици ;
 И сладокъ былъ послѣдній часъ :

Недужный забывалъ спрѣданья,
 И озарялась сѣнь заразы
 Небеснымъ раемъ упованья;
 Но сколько взысканныхъ сиротъ!
 И сколько жершвъ еще спасенныхъ,
 И сколько лепшъ имъ принесенныхъ!
 Градъ смерщи — градомъ спаль щедротъ!

Теперь, какъ внялъ Небесный Мсшишель
 Чадъ наказуемыхъ мольбамъ,
 Изрекъ спасенье племенамъ —
 И пришутился мечъ губишель,
 Мы, въ умиленіи сердець,
 Познавъ судъ правый въ шажкихъ ранахъ,
 Возславимъ въ гусяхъ и шимпанахъ
 Сколь щедръ и милосшивъ Творецъ.

15 ГЕНВАРЯ

Д. М. Глѣбовъ.

1831.

ДОЛИНА МЕРТВЕЦОВЪ,

(Отрывокъ изъ новаго романа: *Послѣдній Новикъ.*)

На пуши ошѣ Маріенбурга къ Менцену (иначе названному *черною мызою*) ошпанавливаешься не разѣ любовашься живописными видами, обшашающими васѣ сѣ седьмой версшы и преслѣдующими за Ней-Розенгофѣ. Дорога большею часшю идешѣ по горами и между горѣ разнообразныхъ, какѣ игра воображенія. То прошягивающся онѣ вѣ прямой цѣпи, подобно волнамѣ, кошорыхъ ряды гонишѣ дружно умѣренный

вѣшерѣ ; шо свиваюшѣ цѣпь сію ноль-
 цомѣ, захвашывая между себя зеленую
 долину, или служа рамою зеркальному
 озеру, вѣ кошоромѣ облачка мимолет-
 номѣ любяшѣ смошрѣшься ; шо вшпа-
 юшѣ гордо, одинокія, вѣ пространной
 равнинѣ, какѣ великанѣ, размешавшій
 всѣхѣ прошивниковѣ своихѣ и осшав-
 шійся одинѣ господиномѣ поприща ;
 шо пересѣкаюшѣ одна другую, забѣга-
 юшѣ и выглядываюшѣ одна за другою,
 высяшся далѣе и далѣе амфитеатромѣ,
 и наконецѣ усшупаюшѣ первенство ис-
 полину сихѣ мѣстѣ, чернѣющему Тей-
 фельсбергѣ. Почши каждая гора имѣ-
 ешѣ свой особенный видѣ, свою при-
 влекательность. На ошпрой конечно-
 сти одной стоишѣ роца бунешомѣ,
 по другой разлилась, какѣ по шлему,
 космашая грива ; шрешью чернѣй, со-
 сновый борѣ оградилѣ шѣбною зубча-
 шою. Тамѣ кустарникѣ онудрявилѣ го-

лову горы, здѣсь обвилъ ее вѣнцемъ, или смѣло вползъ на нее въ разныхъ кри-
визнахъ. Сію картину оживляющъ ра-
зоспанные по ошлогоснямъ полосы
яровой зелени или золошой жашвы,
красивыя мызы съ ихъ розовыми кров-
лями, гордо озирающія окрешность,
разсыпанные шамъ и сямъ одинокія
хижины, кошорыя лѣпяшся къ бокамъ
горъ, какъ ласшочкины гнѣзда, или
стояшъ смиренно за щипомъ подножія
ихъ съ часшоколами и овощными сада-
ми. Почши во всю дорогу до Менцена
(36 вершъ) не переспаешъ оглядывашъ-
ся на васъ кирка Оппекаленская — буд-
шо сопровождаешъ и охраняешъ васъ
свяшынею своею ошъ нечисшаго духа,
кошорый, по словамъ народа, поселил-
ся съ давнихъ временъ на Тейфельс-
бергѣ (*чортовой горѣ*), и пугаешъ про-
хожихъ шолько ночью, когда золошой
пѣшухъ Оппекаленскаго шпиля избъ

глазъ сокроешь. Видъ съ высоты Ней-Лайшценской мызы очаровашеленъ : панорама ея на нѣсколько десяшковъ верствъ обшавлена разнообразіемъ горъ, озеръ, роцъ и селеній. Съ шрудомъ отшрывается пушешешвенникъ отъ сего мѣста. Не много далѣе за сею мызою горы понижающя и замѣняющя скучнымъ лѣсомъ и болошцами ; но при появленіи рѣчки Вайдау, у грани, спощей на мосшу ея и раздѣляющей уѣзды Верровскій отъ Валкснаго, природа васъ даритъ пріятносшями уединенныхъ долинь, обведенныхъ извилинами сей рѣчки и образуемыхъ сопровождающими ее двумя цѣпями холмовъ. Всѣхъ пріятнѣе долина близъ мызы Ней-Розенгофъ (въ недавнемъ еще времени называемой Катериненгофъ).

Въ началѣ 18 сшолшія , по дорогѣ отъ Маріенбурга къ Менцену не было еще ни одной изъ мызъ, нами упоми-

наемыхъ. Нынѣ она довольно пуща; а въ шогдашнее время, когда война съ Русскими наводила ужасъ на весь край и близкое сосѣдство съ ними ошъ Псковской границы заключало жишелей въ горахъ, въ шогдашнее время, говорю я, едва вспрѣчалось здѣсь живое существо. Не смотря на сіи опасенія, въ одно изъ первыхъ чиселъ Юля 1702 года, въ нѣкошоромъ разшояніи ошъ появленія рѣчки Вайдау, пробиралась сквозъ мрачный лѣсѣ кареша кирпичнаго цѣшпа, запряженная двумя рыжими лошадами. День былъ жаркой. Полуденное солнце, въ одинокомъ величіи своемъ прошекая по голубой шепи неба, на кошоромъ ни одно зависшливое облачко не смѣло заслонить его, лило горячіе лучи свои прямо на шема земли. Лѣнивый вѣшерокъ пересѣкалъ сіи лучи по временамъ и шолько на мгновенія обду-

валъ раскаленную ея поверхность. Разслабленная природа, казалось, потеряла движеніе: едва спруились изрѣдка верхи деревъ; неохотно переливались волны зрѣющей жашвы; медленно текли воды, какъ будто пошопки расплопленного хрусталя. Все живущее спѣшило куда нибудь укрышься отъ палящаго зноя. Шицы прятались въ рощахъ и на днѣ густыхъ нивъ; сюда бѣжали въ воды, а гдѣ оныхъ не было, бѣдныя живошныя, оцѣпенѣвъ, съ поникнушими головами, въ шѣни одно другаго искали малѣйшей прохлады.

Съ шрудомъ ползла кареша кирпичнаго цѣвша сѣвозъ пески, нерѣдно попадающіеся на описанномъ пуши. По щегольской ошдѣлкѣ ея, особенно выражающейся въ золошыхъ обводнахъ съ узорами около огромныхъ раибъ въ видѣ несомкнушой цыфры 8, въ золо-

щыхъ шишкахъ, украшающихъ углы имперіала, въ колонцахъ по двумъ переднимъ угламъ кузова и розовомъ вѣнѣ голубомъ полѣ, изображающемъ на дверцахъ гербъ ея обладателя, можно было судить, что она принадлежала записочному Барону. Двѣ рыжія лошади, Эзельской породы, по видимому сильныя, почти отказывались шажать ее; шоры на нихъ были взмылены. Колеса экипажа едва вертѣлись, погружая ободья свои въ песчаную шопь. Не видно было, кто сидѣлъ въ немъ, ибо розовыя, шелковыя шпоры были опущены. Кучеръ, въ треугольной шляпѣ, нахлобученной бокомъ на глаза, въ кафшанѣ, кошораго голубой цвѣтъ за пылью не можно бы различить, если бы пучокъ его, при шолчкахъ экипажа, не обмешалъ плечъ и спины, что посматривалъ съ жалостию на свою одежду, что съ досадою

сгонялъ бичемъ оводовъ, не милосердо кусавшихъ лошадей, по ошанавливая на время ушомленныхъ живошныхъ, уширалъ пошъ съ лица. Замѣшно было, что жалоспный возникій мучился за себя и за нихъ. По правую спорону карешы ѣхалъ верхомъ на шощемъ, высокомъ конѣ, офицеръ подъ пару ему, долговязый и сухощавый. На немъ былъ мундиръ синяго цвѣша, шреугольная шляпа, у кошорой одна задняя пола была ошсшегнуша, кидала большую шѣнь на лице, и безъ шого смуглое; перчашки изъ желшой кожи расшрубамн своими едва не досшавали до локшя; къ широкой поршупеѣ изъ буйволовой кожи, обхвашывавшей сшанъ его и засшегнушой напередн чешвероугольною, огромною, мѣдною пряжкою, привѣшена была шпага съ вальяжнымъ ефесомъ, на кошоромъ изображены были пушка дуломъ вверхъ и гранашы;

ножаные шпиблешы съ привязными расшрубамы довершали сію фигуру, копорая, если бы не двигалось подъ нею высокое живошное, по важности своей походила бы на монументъ. Офицеръ былъ въ полномъ вооруженіи: ручки пистолешовъ торчали изъ чухекъ; къ сѣдлу прикрѣпленъ былъ карабинъ. Пушешешвенники погружены были въ глубокое молчаніе. Наконецъ возникій прервалъ его, сначала глубокимъ: уфъ! пошомъ видя, что сіе восклицаніе не имѣло желаемого дѣйствія, онъ снялъ униженно шляпу и, обратившись къ офицеру, сказалъ: Воля ваша, господинъ Цейгмейстеръ...

— Сначала покройся, чтобы не испечь лысую голову твою, какъ яйцо, а пошомъ начинай свою рѣчь: перехватилъ его важнымъ голосомъ пушешешвенникъ, вѣхавшій верхомъ.

Кучеръ опушилъ шляпу въ знакъ благодарности, пошомъ надѣлъ ее и продолжалъ: — Воля ваша, господинъ Цейгмейстеръ, мои лошади не горшки, а я не горшечникъ, чшобы ихъ жарить въ эшомъ пеклѣ. Госпожа Баронесса наспрого приказала побережь ихъ во первыхъ пошому, чшо она любишь всѣхъ живошныхъ ошъ лошади до кошечки, ошъ попугая до чижечка, какъ вы изволише знашь, во вшорыхъ. . . . она бесшя оводъ сѣлъ на самый крещецъ арлекина! . . . эши звѣрки привезены сѣ оспрова Эзеля на большомъ суднѣ: какъ бишь его звали?

Кучеръ наморщился и поколошилъ себя пальцемъ по лбу, какъ бы выбивая ошшуда память.

— Мимо названіе! Пошомъ?

— Пошомъ они подарены Баронессѣ дядею жениха. . .

— Фюренгофомъ? эшою бездною скупосши, кошорая все поглащаешъ и ничего изъ себя не ошдаешъ? ... неужели онъ въ жизнь свою хошь разъ дарилъ?

— Былъ съ нимъ эшошъ промахъ! Поохаль, можешъ спашься, ноченъ съ сошню, да съ конюшни нашей воропишь рыжаконъ ужъ было нельзя. Чшо къ намъ попало, шо пропало. О чемъ бишь я говорилъ? да! обв рыжаконъ. Вотъ видише, они подарены Баронессѣ нашей дядею жениха нашей молодой госпожи... смѣкаеше, сударь... госпожи, кошорую, какъ вы знаеше, господинъ Цейгмейшеръ... (увидавъ, чшо оводъ кусаешъ лошадъ) собака! кровопійца! перелешѣлъ на зефирку! ... кошорую, замѣшьше, она любилъ, какъ самоѣ себя, или себя въ ней любилъ (изъ карешы слышался хохотъ, да и на лицѣ угрюмага офицера мелькнула усмѣшка; однакожъ начавшій рѣчь, не

смѣшавшись, продолжалъ). Но я самъ имъ не злодѣй, шо ешь рыжакамъ, арлекину и зефиру; говорю шо ешь, чшобы ваша милость не подумала, чшо я говорю о Баронессѣ или о комъ нибудь изъ почтеннѣйшей фамилии Зегевольдовъ. Нѣшъ, я имъ не шольно не злодѣй, но люблю ихъ и уважаю, во первыхъ. . .

— Ни первыхъ, ни вторыхъ, пушто мѣля! Твои слова, какъ Ташары въ сраженіи: разсыпающся въ шпороны шакъ, чшо нашъ рейшаръ не знаешъ, кошораго и какъ насшигнушь. Думаешъ уловишь подъ палашъ одного, а попадаешся другой. Безъ обвиняковъ скорѣе къ дѣлу.

— Я хотѣлъ сказашъ, чшо лошади ушшали.

— Ну!

— Да ужъ онѣ и нуканья не слушающъ, сударь. Мы пробѣхали отъ Ма-

ріенбурга (шувъ кучеръ началъ счи-
 шашъ что-шо по пальцамъ), да! имен-
 но, на эшомъ мосшикѣ ровно 4 мили,
 что мы пробѣхали. До Менцена еще
 добрая и предобрая миля; будущъ опяшь
 пески, горы, косогоры и, Богъ знаетъ,
 что. Вздохните хоть здѣсь на мо-
 спу, бѣдныя лошадки, если ужъ къ
 вамъ шакъ безжалосшливы. И пушкѣ
 въ сраженіи дають ошдыхъ, а вы все
 шаки созданіе Божіе!

— Ты съ ума сошелъ, Фрицъ! Да
 кшожъ, доннервешшеръ, мѣшаешъ намъ
 ошановишься въ ближайшей долині и
 покормишь лошадей?

Въ эшо время одна изъ розовыхъ
 шпоръ у праваго окна карешы подня-
 лась, и ручка, кошорой удивительную
 бѣлизну позволяла видѣшь спущенная
 по кисть перчашка и короткій, недо-
 ходившій до локтя рукавъ по модѣ
 шогдашнихъ временъ, опустила шекло.

Молодая женщина, прелестнѣйшая, которую можно шольно видѣшь въ жизнь свою, выглянула изъ окошка и, подзавъ къ себѣ рукою офицера, шепнула ему: — Ради Бога, Вульфъ, упросише господина Пасшора осшановишься въ долину, о кошорой я вамъ на дняхъ рассказывала.

Офицеръ не ошвѣчалъ ничего, но кивнулъ дружески въ знакъ согласія, осшановилъ своего коня, неуклюжаго и неповорошливаго, пошомъ, давъ ему шпоры, повернулъ къ лѣвой шпоронѣ карешы, наклонился къ ней и осшорожно посшучался пальцами въ раму. Въ ошвѣщѣ на сей шукъ выглянуло изъ окна маленькое сухощавое лице шарика, съ сверкающими изъ-подъ густыхъ бровей сѣрыми глазами, съ яшребинымъ носомъ, въ парикъ шре-мя усшупами рыженашшановаго цвѣша, кошорый въ крѣпкой дремошѣ его об-

ладашеля сдвинулся шакъ, что опкрылъ лысину въ разрѣзъ головы.

— Я слышалъ все сквозь дремошу, сказало эшо новое лице, поправляя свой парикъ, и одобряю ошъ души Фрицовой желаніе и ваше согласіе, любезный господинъ Цейгмейшеръ. Миѣ самому шакъ жарко, какъ бы я принялъ пошогонительное. Да гдѣжъ вы думаете осшановишься?

— Въ долиниѣ, напрошивъ кошорой шоишъ на горѣ кресшъ: ошвѣчалъ офицеръ. Лучшаго мѣста для ошдыха нельзя найти до Менцена.

Улыбка бѣжала уже на губы Фрица, но онъ не далъ ей вылишься наружу.— *Въ долиниѣ мертвецовѣ*, господинъ Пасшоръ? помилуйте! закричалъ онъ съ ужасомъ, вышянувъ шею, какъ испуганный журавль, сшоя на часахъ.

Молодая женщина засмѣялась ошъ души; Пасшоръ съ улыбкою произнесъ:

— Давно ли спали мы шапъ прусливы, Фрицъ? и что за новую сказку сплели здѣшніе жишели? — Пошомъ онъ присовокупилъ вполголоса, качая головою и усхавя передъ маленькимъ лбомъ указательный палецъ правой руки: Какое нибудь старое повѣрье, грубое невѣжество! оспашки идолопоклонства! Такъ! церковь далеко — духовный пасшырь шапже! Надобно придумашь, какъ эшо вывесши; надобно разобрашъ эшо, взяшъ мѣры, средства! Эшо наша обязанность, нашъ долгъ! Всего лучше прибрашъ сильный текстъ изъ Лашышской Библии, мною изданной.* Порѣчь не о шомъ: расскажи-на, Фрицъ, откуда выкопалъ шы название эшой долины?

---

* Глику, вмѣстѣ съ Рижскимъ Суперинтенденшомъ Фишеромъ, обязана Лифляндія переводомъ Библии на Лашышскій, начашымъ въ 1680 году и конченнымъ въ 8 лѣтъ.

— Сказкою своею шы сократишь намъ пушь до назначеннаго мѣста отдыха : примолвила сидѣвшая въ карешѣ.

— Опяшь шаки до назначеннаго мѣста : ошвѣчалъ угрюмо кучеръ : вы все шушите, фрейлейнъ. Хорошо еще, чшо мы ѣдемъ въ полдень ; другое бы заговорили, кабы проѣзжали долину мертвецовъ ночью до кочешовъ. Тогда въ ней дѣюшя шакія чудеса, чшо и... кого бы назвашь безспрашиѣ всѣхъ?.. да, на примѣрѣ, кшо безспрашиѣ Шведскаго офицера?... и у шого, св позволенія сказашь, господинъ Цейгмейшеръ, побѣгушь мурашки по кожѣ, когда увидишь безплошнаго Барона эшой долины. Осмѣлюсь вамъ поперечишь, господинъ Пасшоръ — со всѣмъ уваженіемъ къ вашему сану — эшо не сказка, не выдумка, а... (озираешя со спрахомъ кругомъ и вглядываешя приспально въ густошу лѣса) а я доложу

вамъ во первыхъ о томъ, что видѣлъ своими глазами. Вы знаете, что я не люблю прусу праздновать?

— Знаемъ, знаемъ, закричали въ одинъ голосъ духовный ошецъ и военный. — Но бывающъ сверхъестественныя силы... прибавилъ съ прищворнымъ ужасомъ послѣдній, давая Пасшору знать головою, чтобы онъ подтвердилъ его слова.

— Конечно, бывающъ... мы сами не можемъ вовсе ошвергнушь, чтобы...

— Чтобы, любезный папахенъ, вы не сговорились съ любезнымъ брашцемъ поугасть меня: возразила дѣвушка, лукаво улыбаясь. Воля ваша, я не могу сдѣлаться шѣмъ, чѣмъ не создана бышь. Можешъ спашься, приличье шворенію моего пола бояшья — Вульфъ мнѣ эшо часшо швердишь и даешъ мнѣ въ насмѣшку имена мужеспвенной, беспрацной — но онъ позволишь мнѣ

въ эшомъ случаѣ вести съ нимъ войну, чшобъ не бышь въ разладѣ съ моею природою. Рабе оспанешся за осьмнадцашъ лѣшъ, чѣмъ была еще дшшюю.

— Рѣчь не о шомъ, прервалъ съ нѣкошорымъ нешерпѣншемъ Пасшоръ: послушаемъ, что разскажешъ намъ вожаший нашъ въ царство шѣней.

— Гшшвы слушашь! вскричали въ одинъ голосъ офицерь и дѣвушка.

— Прошу всепокорѣйше вниманія, почшеннѣйше господа и вы фрейлейнъ: произнесъ важно Фрицъ, раскланиваясь на обѣ спороны шляпою: и вѣрьше, что конюшій Баронессы, кошорый во первыхъ никогда еще не лгалъ, особенно передъ шоль почшенными господами. . . .

— Во вшорыхъ начнешъ шеперь: сказала сидѣвшая въ карешѣ.

— Слушай же, Кѣше! вскричалъ сердшо Пасшоръ — и ша, къ кошорой онъ

обращался съ симъ восклицаніемъ, смиренно опустила длинныя, черныя рѣсницы на прекрасныя, черныя глаза, полныя огня и оспроумія.

— Только безъ пункшиковъ, Фрицъ! безъ пункшиковъ, кошорыми шы любишь зарубашь свою рѣчь: примолвилъ офицеръ.

— Прошу извиненія, господинъ Цейгмейшеръ (Фрицъ снялъ униженно шляпу и по знаку своего повелишеля ояшь надѣлъ ее). Привычка пуще неволи, шопи ее въ морѣ словъ, а все гдѣ нибудь вынырнешъ. Вошъ, на примѣръ, господинъ Ле... Ліо... охъ! эшу фамилію забываю вѣчно.

— Фамилію мимо!

— Онъ былъ въ шарые годы закрыщикъ, нынѣ Лифляндскій дворянинъ съ прибавкою Фонъ.

— Лифляндскій дворянинъ? прервалъ съ горькою усмѣшкою сшарикъ, сидѣв-

шій въ карешѣ и шерявшій вовсе шерявніе. Не правда! Леіонскронъ изъ числа шѣхъ 8 Графовъ, 24 Бароновъ и 428 дворянъ Шведскихъ, кошорыхъ угодно было Королевѣ Хрисшинѣ — не шѣмъ бы ее помянушь — вышацишь изъ грязи. Надобно называшь каждую вещь своимъ именемъ; всякому свое, Фрицъ!

Суцая справедливосшь, господинъ Пасшоръ! Вотъ эшохъ Леіонскронъ былъ въ чесши, какъ вы изволише знашь...

— Чшобъ его!....

— А все шани имѣлъ привычку шевелишь пальцами, какъ будшо кроилъ ножницами, хошя бы на меня, грѣшнаго, кафшанъ. Такъ-шо несешъ еще и ошъ меня шочносшію фискальнаго судьи, ибо, какъ вы изволише знашь....

— Знаю, знаю!... чшобъ шебѣ.... Минерва привязала замѣкъ на ротъ!

пробормошалъ съ сердцемъ Пасторъ и, гошовый вынесши шолько послѣднюю осаду своего шерпѣнія, углубился въ карешу.

— Я прожилъ у одного фискала нѣсколько лѣтъ, а онъ имѣлъ привычку говоришь сначала своимъ просишелямъ, искавшимъ пропуска запушанному дѣльцу: *во первыхъ*, милосшивый государь! Просишель смѣкалъ, приносилъ первое; тогда *во вторыхъ* не задерживалось въ судейскомъ горлышкѣ, и дѣло пропускалось гладко и скоро, какъ лодка по наполненному шлюзу. Онъ шакже сшрого взыскивалъ съ меня, если я излагалъ ему дѣло о покупкѣ овса, сѣна и прочаго для лошадей неясно, не по пункшамъ какъ шеперь...

— Чшо еще, прокляшой болшунъ!

— Нашъ амшманъ Шнурбаухъ взѣсвиваешъ съ меня, когда не прибавляю словечка: *Фонъ*, обращаясь къ нему, а

передъ Баронессою, повѣрише-ли, господинъ Цейгмейшеръ, споишь, какъ напянушая сшрунка!

— Ха, ха, ха! спѣсь Рыцарей меча и низосъ Бременскихъ купцовъ: все вмѣспѣ еще печешъ въ жилахъ Лифляндцевъ. Вошь эши *patres patriae, defensores justitiae!** вскричалъ, коварно смѣясь пушникъ, бѣжавшій верхомъ.

— Низосъ Бременскихъ купцовъ? низосъ? ... Гмъ! сердито проворчалъ Пасшоръ сквозь зубы. — Эшо говоришь Шведъ? въ Лифляндіи? ищущій руки Лифляндки? ... Прекрасно! неподобно!

Дѣвушка, видя, чшо между спушниками ея скоро возгорится война не на шушку, послѣшила еще во время шушишь ее. Она обратилась къ Фрицу съ убѣдительною просьбою начашъ

---

* Такъ величали себя прежде Лифляндскіе дворяне: Карль XI имъ эшо запрешиль.

обѣщанную повѣсть. Догадливый ну-черъ, сообразивъ время и длину пуши, кошорый имъ осшавался до шаиншвенной долины, сѣвшилъ исполнишь желаніе просишельницы.

— Не будешь еще спа лѣшь началъ шакъ Фрицъ свой разсказъ — какъ въ приходѣ Ренко-Мойсѣ, неподалеку отъ развалинъ зѣмка, въ кошоромъ нѣкогда жила богашая *Тедвенъ*, сдѣлавшая дочери на славу шаное плашье, что чоршъ принужденъ былъ смѣяшся;* въ кошоромъ живали и наши рыцари, и злодѣи Русскіе, и монахи, и едва ли наконецъ не одна нечисшая сила — да просишишь мнѣ Господи! — вы хорошо знаеше Ренко-Мойсѣ, фрейлейнъ?

---

* *Denkmähler aus der Vorzeit Liv- und Estlands*, часть I.

— Рингенъ,* хочешь шы сказать? какъ не знашь мнѣ? я шолько чшо не родилась въ приходѣ Рингенскомъ.

— Припомнише, за болошцомъ, въ виду замка, пригорокъ. Вошъ на эшомъ пригорокъ, въ зашишьѣ ошъ вѣшровъ, за щинкомъ березовой роши, сшояла шогда худенькая избушка, однимъ угломъ избоченившись, другимъ припавъ къ землѣ. Силачу сшоило шолько ее пошевелишь, шакъ она бы и развалилась. Въ эшой избушкѣ поселился, не извѣсно ошкуда пришедши, масшеровой человекъ, именно сапожникъ, еще несшарый, одинъ одиныхонекъ. Душонка у него была дурная, пошому во первыхъ, чшо онъ нищему не подалъ въ жизнь свою даже куска чер-

---

* Въ Лифляндіи мѣста имѣюшь иногда по шри и чешыре названія: Нѣмецкое, Лапышское, Чухонское и Русское.

сшваго хлѣба, во вшорыхъ, что онъ не любилъ дѣшей; а эшо худая примѣша! Никшо въ домишкѣ его не слыживалъ ни пѣсни, ни голоса женщины, ни гѣвора хѣшь забѣглаго мальчишки; никшо не выпилъ съ нимъ рюмки вина. Только и слышны были заказъ сапоговъ, или шоргъ, или расчесы, да шукъ, шукъ молодкомъ, и опяшь все шохъ же шукъ, шукъ, какъ сшукъ гробоваго червяка. Руки же у него были золошыя — а, можешъ бышь, помогалъ ему и окаянный — шивалъ онъ на славу сапоги безъ разрѣза и безъ шачки изъ цѣльной кожи. Нынѣ, благодаря нашимъ Паспорамъ, шакіе масшера вывелись. Заказывали ему сапоги сшупые Бароны, чшобъ были безъ сносу, Епископы и Архидіаконы, чшобъ были безъ шуму, рыцари, чшобы опражали копье Ташарское. Можешъ судишь: когда шакіе особы заказываюшъ что либо,

по и плашяшѣ хорошо. Тогда еще не слышно было о вѣдѣмѣ редукиці, кошорая вѣ недавнемѣ еще времени ходила по мызамѣ и обирала нашихѣ господѣ, и Бароны жили, попѣваючи и попиваючи. Ошѣ шого нашѣ ремесленникѣ долженѣ былѣ зашибишѣ хорошую деньгу; но божилсѣ и клялсѣ, что голѣ, какѣ облупленная липка вѣ позднюю осень, что онѣ не женишсѣ за неимѣніемѣ, чѣмѣ содержашѣ жену, что его обкрадывающѣ, что у него вѣ долгахѣ много пропадасѣ. И будшо бы пошому онѣ бѣ чершвыи хлѣбѣ сѣ мякиной пополамѣ, жердочнами подпиралѣ валившуюсѣ жишину свою, все кряшѣлѣ, все жаловалсѣ на свою бѣдносѣ и завидовалѣ безпресшанно богашымѣ. Особенно, когда сшарики перебирали шого и другаго, разбогатѣвшихѣ ошѣ кладовѣ, онѣ насупливалѣ брови, какѣ сычѣ, лице его по-

дергивало шуда и сюда, дрожь его принимала, и нашъ сапожникъ невидимо ушекалъ изъ круга разскащиковъ въ свою пусшую избушку. Собирались смѣлые проказники подмѣшишь, что у него дѣлаешся по ночамъ; собирались, да, видно, не выполнили. Храбро шольно языкомъ шли на рашь! Въ одно время онъ вовсе покинулъ рабошу, скрылся — и цѣлый мѣсяцъ не слышно было шуку его молошка, и приходившіе съ заказными со сшрахомъ ошсшупали ошъ пусшой избушки, въ кошорой шольно двери по блажи вѣшрашонали на пешляхъ. Онъ пришелъ домой для шого шольно, чтобы черезъ нѣсколько дней умерешъ; но лежа на смершной постелюшкѣ — знашь ему ошъ хорошаго жишья уже шошно приходило! — послалъ за Пасшоромъ Рингенскимъ и, сшуча зубъ объ зубъ, объявилъ ему жо, что я буду вамъ ше-

перъ разсказывашь. » Вы знаете, или слышали, свяшой ошець « — шакъ говорилъ сапожникъ духовнику своему — » какая жадность къ богатству одолѣвала меня съ молодыхъ лѣтъ, но не знаете, съ кимъ усердіемъ ошыскивалъ я сокровища въ горахъ и — — ошырышься уже долженъ, присупая къ страшному суду — ошыскивалъ ихъ въ мѣстахъ, гдѣ покаяшя усопшіе. Я пошревожилъ косши шрехъ вишязей Русскихъ, схороненныхъ въ болошѣ близъ Оденпе, сдѣлалъ шже съ Римскимъ рыцаремъ, * кошорый спольно вѣковъ спишъ на висопахъ Гуммельсгофскихъ подъ баюканьемъ лѣсовъ;

---

* И донинѣ показываюшъ на семь болошѣ при камня, подъ кошорыми лежишъ прахъ вишязей Русскихъ; шакже Гуммельсгофскіе кресьяне водили меня на мѣсто, гдѣ будшо бы похороненъ какой-шо *Римскій* рыцарь.

всего на-все разрылъ я собственными
 руками въ полночные часы 11 гробовъ;
 11 покойниковъ возвалъ я ошъ сна
 вѣчнаго. — » Тушъ у самаго умирающа-
 го волосы вспали дыбомъ; холодный
 пошъ выспунилъ по немъ; онъ закаш-
 лялся: ге! ге! ге! шанъ, что Паспоръ
 хошѣлъ прочесть ошходную, но сапож-
 никъ, вздохнувъ немного, продолжалъ:
 » Въ долинь за Менценомъ, окружен-
 ной со всѣхъ сшоронъ лѣсомъ... ви-
 дѣло шолько небо! была миѣ одна уда-
 ча.« Здѣсь ошяшь духовникъ не могъ
 разслушашъ, что прошепшалъ ему, скре-
 жеща зубами, кающійся. Оправившись,
 онъ ошяшь началъ говорить: » Прихо-
 жу съ кладомъ домой, въ осеннюю мѣ-
 сячную ночь. Домишка мой едва лѣ-
 пился на жердочкахъ; дверью меня
 ударило; филинъ вспрѣшилъ меня ужа-
 снымъ свисшомъ, какъ будшо бичемъ
 полоснуло меня по сердцу; собака съ

развалинѣ замка ошвѣчала ему воемъ. Чшобы себя успокоишь, высѣкаю огонь, зажигаю фонарь и спѣшу любовашься сокровищемъ моимъ: почти все золото, чистое какъ лучъ солнечный. Только... были... пшшна!... Принимаюсь счишашь деньги... вдругъ, 11 голосовъ захохошали, двѣнадцашый вздохнулъ тихо, но эшошъ вздохъ, ошецъ свяшой, былъ для меня ужаснѣе всѣхъ. Ошъ спраха...ру... полошно выпало у меня изъ рукъ и деньги разсыпались. » Не забудьте, почшеннѣйше господа и вы, фрейлейнъ, чшо эшо, Боже меня сохрани! не я говорю, а умирающій сапожникъ.

— Помнимъ, помнимъ! ошвѣчали слушашели Фрица. Кучеръ помахалъ себѣ въ лице шляпою, какъ опахаломъ, пошомъ надѣлѣ ее, хлопнулъ искусно бичемъ шакъ, чшо казалось, разрѣзалъ лѣсв пополамъ, и продолжалъ свой

разказъ: »Было къ полуночи — говорилъ задыхающимся голосомъ сапожникъ духовнику — явились ко мнѣ, одна за другою, одинадцать дѣвушекъ въ бѣлыхъ плащяхъ, съ вѣнками на головахъ. Онѣ принялись собирать деньги съ полу и въ нѣсколько минутъ опять наполнили... полною; только требовали за труды, чтобы я поплясалъ съ ними на мягкой травѣ, при свѣтѣ мѣсяца. Я долженъ былъ выполнить ихъ волю, и плясалъ съ ними до пѣшуховъ, пока не выбился изъ силъ. Каждую ночь будемъ посѣщать тебя, сказали онѣ мнѣ, пока не выдашь намъ двѣнадцатой подруги: безъ ней нельзя намъ веселиться въ прекрасной доли нѣ за Менценомъ на мягкой травѣ при свѣтѣ мѣсяца. Вотъ уже 11 дней, какъ онѣ не даюшъ мнѣ любоваться кладомъ моимъ, рассыпаюшъ его, опять съ прежнимъ договоромъ его собира-

юшѣ, мучашѣ меня своими плясками и грозашѣ мнѣ шѣмѣ же, пока я живѣ, если не выдамѣ имѣ двѣнадцатой, а кого, не знаю. На разсвѣшѣ нынѣшняго дня опнесѣ я безѣ счешу горшокѣ сѣ зѣлошомѣ вѣ развалины зѣмка, и шамѣ заклалѣ его вѣ сшѣнѣ вѣсшчной башни, опѣ середняго круглаго окна чешвершый камень внизѣ. Ты видишь, опецѣ духовный, вѣ какомѣ я шеперь сосшояннн. Вѣрно, меня двѣнадцатаго дѣвы шребовали кѣ себѣ вѣ долину. Ради Опца небеснаго, похоронише меня шамѣ. Чувсшвую, чшо смершь близка... но умирая хочу, по крайней мѣрѣ, облегчншь себѣ переходѣ вѣ вѣчностшь... искупнвѣ хошь часшь грѣховѣ моихѣ... добрымѣ дѣломѣ.« Зѣмѣшьше, онѣ не смѣлѣ сказашь: богуооднымѣ дѣломѣ. » Опшказывая половину своего сокровнща бѣднымѣ, а другую Рннгенской церкви, чшобы

она... « Св симъ словомъ еапожникъ испустилъ духъ шакъ скоро, что усерднѣй Пасшоръ не успѣлъ прочесть ошходной. Немедленно созвано было множество окружныхъ прихожанъ, дворянъ и просшолудиновъ, и объявлено имъ завѣщаніе покойнаго. Сначала всего присшупили къ ошкрышію сокровища въ восшочной башнѣ Рингенскаго замка. Мѣсто, гдѣ оно хранилось, было шакъ швердо, что едва сдалось на усилія нѣсколькихъ дюжихъ парней, вооруженныхъ добрыми ломами. Показался горшокъ; вынули его: въ немъ лежало что-шо завернушое въ какомъ-шо полошиѣ; раскрыли — и чтожъ нашли? — Человѣческій черепъ, обернушый саваномъ!.. Шосовѣшовались между собою и положили: черепъ въ саванѣ похоронишъ по Христіанскому долгу на высшѣ прошивъ долины, въ кошорую одиннадцать дѣвъ шребовали

нѣ себѣ двѣнадцашую, и посшавишь на могилѣ деревянный крестѣ; шѣло же сапожника, ради Ошца Небеснаго, кошораго онѣ номиналѣ при кончинѣ, не бросашь на свѣденіе вороньямѣ и волнамѣ въ поле, а зарышь просто, какѣ ерешика, въ шемномѣ ущельѣ лѣса, неподалеку ошѣ долины. Чшо и было выполнено. — Происшешвіе эшо, слово въ слово, шакѣ, какѣ я вамѣ пересказывалѣ его, записано шогда въ Рингенскую церковную книгу, и справедливосшь онаго ушверждена рукоприкладствомѣ Священника.

— Чшо правда, шо правда! сказалѣ Пасшорѣ. *Подобное* происшешвіе *дѣйствительно* записано въ старинной мещрической книгѣ Рингенскаго прихода. Мой собрашѣ, продолжалѣ онѣ усмѣхаясь, управлявшій шамошнею пасшвою, лѣшѣ близѣ сша шому назадѣ, много чудесносшей помѣсшилѣ въ эшой кни-

гѣ; между прочими и сказаніе Фрица въ ней ошысканъ можно. Но я не зналъ, что долина, къ кошорой подвигаемся, имѣешъ съ нею такія близкія сношенія.

— Эшо не все еще, господинъ Паспоръ! Въ долинѣ шворякъся такія дѣла, кошорыя и днемъ рассказывашъ, шакъ ужасъ берешъ. Надобно вамъ прежде обьяснишь, что изспари — шо ешь съ шого времени, какъ похоронили черепъ съ саваномъ на вышѣ и зарыли сапожника въ глухомъ ущельѣ — носилось преданіе, что двѣнадцашъ дѣвъ — замѣшьше, уже двѣнадцашъ — въ бѣлыхъ плашьяхъ, съ вѣнками на головахъ, каждую полночь собирающъся въ долинѣ, пляшущъ нѣсколько времени хороводомъ на мягкой шравѣ, при свѣшѣ мѣсяца, и пошомъ въ разныя стороны разбѣгающъся. Во время ихъ игрищъ изъ ущелья пока-

зывается высокое привидѣніе, сморщившись на нихъ, не двигаясь съ мѣста, вздыхаешь такъ, что прошивной берегъ началъ осѣдаться, а какъ скоро кончившаяся пляска ихъ, удаляешься опять въ свое ущелье. Назадъ шому нѣсколько лѣтъ завелся въ здѣшней сторонѣ обычай привозить на высоту ушопленниковъ и удушенныхъ. Но повѣришь ли, почтеннѣйшіе господа и вы, фрейлейны? лишь только положашъ одного изъ этихъ несчастныхъ близъ кресла, въ ту же ночь онъ пропадаетъ! Видали, что длинное, какъ шестъ, привидѣніе изъ ущелья выползаетъ, идетъ прямо на высоту, поднимаетъ мершвое шѣло на плеча и уноситъ его въ свое домовище. Безъ шого, сказывающъ, дѣвы не пляшутъ въ долинѣ *при свѣтѣ мѣсяца, на мягкой травѣ*. Дороги въ ущелье не проложено, а видны только огромныя срупи,

нечеловѣческія — я покажу ихъ вамъ, какъ пройдемъ мимо ихъ.

— А бывалъ ли кто въ спрашномъ ущельѣ днемъ? спросила дѣвушка.

— Никто изъ живущихъ не смѣетъ заглянуть въ него, ошвѣчалъ кучеръ: а зашелъ туда невзначай (сколько лѣтъ тому назадъ, не упомяну), прохожій егеръ, нешушшный, изъ дальнихъ мѣстъ. Видно, онъ не слыхвалъ объ эшихъ ужасахъ?

— Чшо жъ онъ шамъ видѣлъ?

— Долину, шемную, какъ глубокій, осенній вечеръ, сѣрые камни, обрызганные кровью и обшавленные во кругъ космашаго привидѣнія, кошорое освѣшило его большими, нечеловѣческими глазами, и вспрѣшило визгомъ, сшономъ и скрежешомъ. Въ ухахъ у егеря запрещало, глаза его помушились, рубашка на немъ запрыгала, и онъ едва, едва не положилъ шущъ ду-

шеньки своей. Только молишвѣ, да ногамъ обязанъ онъ своимъ спасеніемъ: съ того времени всякой другу и не другу заназываешъ хошь полуглазомъ заглядывашъ въ ущелье.

— Но шебѣ, Фрицъ, спросилъ Пашоръ, случалось ли пробѣжашъ здѣсь въ полночь и видѣшь привидѣніе.

— Была на меня эша напасъ прошлаго года, когда ѣхалъ я за фрейлейнъ — шолько я обѣ эшомъ ей не сказывалъ. — Вошь видише, господинъ Пашоръ, до побѣдки эшой и я посмѣивался надъ ужасами долины, какъ охопникъ не боишся медвѣдя, пока не пробываешъ въ его лапахъ, и думалъ все, что шушъ какіе нибудь вздоры или шашии кроюшся. Была ночь мѣсячная. Зная, что до Маріенбурга придетеша работка рыжанамъ, плешуся по шихоньку и; подремливая, киваю головою; будшо носомъ рыбу ужу. Вдругъ, шоль-

ко что спустился съ косогора въ долину, рыжаки захрапѣли, навосприли уши, сѣжились и спали въ пень: я, ну, ну! не шупь-шо было. Лошади мои дрожали, какъ будшо домовой ихъ обѣзжалъ, и ни съ мѣша. Смошрю впередъ, и самъ обомлѣлъ: вижу привидѣніе, не ниже карешы, плешешся черезъ долину съ мершвецомъ на спинѣ. Я усшавилъ глаза въ лошадей, и куда ужъ онъ дѣвался, ничего не видалъ. Лошадки фыркнули, и мчали меня съ чешвершь мили.

— А дѣвъ видалъ ли шы?

— Грѣхъ солгашъ, дѣвъ-шо я ни разу не видѣлъ. Какъ прикажете, господа; останавливашья ли въ долинѣ мершвецовъ?

— Что скажешъ наша Кѣше? улыбаясь спросилъ Пашпоръ свою сосѣдку.

— Если за мною дѣло шало: ошвѣчала дѣвушка: шакъ я просила бы васъ

сдѣлать мнѣ удовольствіе оспановишься въ долину, страшнѣе только ночью. А днемъ... это рай!... вы увидите сами, папаханъ.

— Будь по твоему, дружокъ! Слышишь ли, Фрицъ?

— Мое дѣло повиноваться, сказалъ качая головою кучеръ, хоть бы приказали мнѣ прикорнуть на лапкахъ у самого Сашаны; лишь бы моимъ рыжкамъ было гдѣ вздохнуть!

Ив. Ложетниковъ.

Д В А А Н Г Е Л А .

Кшо разрѣшишь за чѣмъ спрадаюшь люди ,
 За чѣмъ должны они спрадась
 И глазъ неплакавшихъ и невздыжавшей груди
 За чѣмъ подь небомъ не сыскашь ?

* * *

Кшо изочпешъ всѣ бѣдспвенные доли
 Во мракъ урны роковой ,
 Всѣ скорби, немощи, спраданья и неволи
 Намъ обреченныя судьбой ?

* * *

Средь шемныхъ безднѣ, насъ погложишь гопо-
 выхъ ,
 Среди грозящихъ намъ сѣшей

Пушемъ опасносшей и опышовъ суровыхъ
Несемъ мы ношу нашихъ дней.

* * *

Весь пушь мірской спрадальцами измѣренъ,
И спранно намъ, когда судьба
Сполкнешъ насъ съ пушникомъ, кошорый лег-
ковѣренъ
И мыслишь, что сей пушь: гульба.

* * *

Но небеса двухъ Ангеловъ намъ дали,
Свѣплѣешъ ими жизни ночь:
Они всегда при насъ въ день нужды, иль пе-
чали,
Чтобъ съ нами плакашь, иль помочь.

* * *

Нѣшь, Богъ земли не предалъ на мученье,
Имъ врачъ на каждый данъ недузь:
Благошворишельносшь, земное провидѣнье
И сосшраданье, скорби другъ.

* * *

Ошь взоровъ ихъ, исполненныхъ участья,
 Съ улыбки крошкой и свяшой
 Любовь и миръ на боль, на немощи несчастья
 Лежишься сладосшной росой.

* * *

Блещащихъ розъ, улыбчивыхъ на сушки,
 Не возрастишь сія роса,
 Но дашь *цвѣтъ памяти сердетной*, незабудки
 Въ залогъ на жизнь и небеса.

* * *

О! жилъ лишь пошь, кпо жизни хладъ
 юдольный
 Любовью къ ближнимъ согрѣвалъ
 И Ангеламъ, во слѣдъ радушный, сердобольный
 Благошворилъ и соспрадалъ.

К. Вяземскій.

ДУМА.

Если грудь швоя взволнуешся
Въ шумъ свѣшской суешы,
И душа разочаруешся,
И вздохнешь невольню шы ;

Если очи, очи ясныя,
Вдругъ наполняшся слезой;
Если, слыща кляшвы спрасшныя,
Ты поникнешь головой,

И безмолвное вниманіе
Будешь юношѣ въ ошвѣщѣ,
За восшоргъ, за упованіе....
Если презришь шы обѣщъ...

Не прельщусь я думой сладкою!
Равнодушенъ и унылъ,
Не скажу себѣ украдкою :
Той слезы виной я былъ.

Снова радости завѣшныя
Не блеснушь въ груди моей ;
Я слыхалъ слова привѣшныя ,
Мнѣ знакомъ обманъ очей.

Ознобишкинъ.

(ИЗЪ ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА.)

I.

Кшо съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ,
 Кшо въ жизни, цѣлыми ночами,
 Спenea, на ложѣ, не сидѣлъ, —
 Топъ не знакомъ съ небесными власнями!
 . . . . .
 Нѣтъ на землѣ просщупка безъ опмщенья!

Кшо хочешъ міру чуждымъ бышь,
 Топъ скоро будешъ чуждъ —
 Ахъ, людямъ ешь кого любишь —
 Чшо имъ до нашихъ нуждъ!

Такъ! чшо вамъ до меня!

Чшо вамъ бѣда моя!

Она лишь про меня —

Съ ней не разстанусь я!

Какъ крадеши къ милой любовникъ, пайкомъ:

„Ошкликнись, другъ милой, одналь?“

Такъ бродишь ночью и днемъ,

Кругомъ меня шоска,

Кругомъ меня печаль!.....

Ахъ, развѣ лишь въ гробу,

Опъ нихъ укрышься мнѣ —

Въ гробу, въ землѣ сырой —

Тамъ бросаешь и онѣ! —

Тютчевъ.

КРАЙ ПОЛУНОЧИ.

Тамъ съ весной не вспыхнушь розы ,
 Гдѣ буруны и морозы ,
 Гдѣ мятели и снѣга
 Родились , освирепѣли ,
 Основали колыбели
 И засѣяли луга .

Тамъ не слышно надъ равниной
 Звонкой пѣсни соловьиной ,
 Гдѣ ревешь клубясь рѣка ,
 Гдѣ уныло вѣшеръ воешь
 Берега крутые роешь
 И сжимаешь облака .

Тамъ не веселы дѣвицы ,
 Гдѣ лѣса , поля — шемницы ;

Гдѣ у свѣшлаго ручья,
 Какъ проснушся даль и горы
 Съ появленіемъ Авроры
 Нѣшь ни розъ, ни соловья.

Не цвѣшущъ здоровьемъ люди,
 Гдѣ въ неволи ноюшъ груди;
 Гдѣ какъ будшо въ день одинъ
 Въ долгій день скорбей, печали,
 Закалилось крѣпче сшали
 Много пасмурныхъ годинъ.

И не пѣшь пѣвцу веселья
 Горькой жизни новоселья;
 Гдѣ у свѣшлаго ручья,
 На берегахъ утрюмыхъ, голыхъ
 Нѣшь ни дѣвъ молодыхъ, веселыхъ,
 Нѣшь ни розъ, ни соловья....

Н. Степановъ.

НЕ ВЪ СЛОВЕСИ А СИЛЬ.

I.

Набравшись Климы ученыхъ брѣдней,
 Среди невѣждъ онъ въ попыхахъ.
 Опшъ ихъ госпминой до передней
 Прослылъ Климы бойкимъ *на словахъ*.

Но въ головѣ у Клима мало:
 Сумбуръ и въ прозѣ и въ сшихахъ;
 Такъ вся ученость Клима, спало,
 Наборъ *тего-то на словахъ?* —

II.

Иной, о бѣдспвиіи другаго,
 Внимаешъ — слезы на глазахъ;
 Да слезы дешевы инаго:
 Легко бышь добрымъ — *на словахъ*. —

Ш.

Памфиль шрудился понемногу,
 А всѣмъ кричишь, что онъ въ шрудахъ.
 Но къ почешямъ пробилъ дорогу,
 Трудившись больше — *на словахъ*. —

Ш.

Людмила силою искуссва
 Вѣрна при мужниныхъ глазахъ;
 Но всѣ воспорги, сила чувсва,
 Любовь и вѣрносшь — *на словахъ*.

V.

Фирсь, Агрономъ, кричащъ, примѣрной;
 А все имѣніе въ долгахъ.
 Ему не вѣрящъ — эшо вѣрно,
 Какъ Фирсь хозяинъ — *на словахъ!* —

VI.

Грабилинь съ мершваго, съ живаго,
 Бираль при шяжебныхъ дѣлахъ,
 Но имя заслужилъ свяшаго,
 Творя всю правду — *на словахъ!*

VII.

Борись мой глупъ — всѣ эшо знаютъ ;
 Но прешій выборъ въ почешяхъ ?
 Вездѣ-ль подобно выбираютъ ?
 Вездѣ гдѣ выборъ — *на словахъ*. —

VIII.

Гдѣжь Президентъ глупецъ ошкрыпый,
 Тамъ легче обирашь *въ столахъ* :
 Сполоначальники всѣ сыпы ;
 А правый , правъ лишь *на словахъ* —

IX.

Такъ ! добродѣтели людскія
 И безприсрасіе въ судахъ ,
 Есть звуки испины нѣмые
 Гдѣ чешь , законы — *на словахъ* !

X.

Скажише ? гдѣ-же управляютъ
 На справедливости вѣсахъ ?
 Гдѣ правду сердцемъ обожаютъ
 И чешны не въ *однихъ словахъ* ?

Гдѣ передъ зеркаломъ правдивымъ,
Не скрыто зло въ своихъ дѣлахъ,
И голосомъ велерѣчивымъ
Возмешь немного — на словахъ!

Вл. Горзиковъ.

С. Троица на Вытроскѣ

Декабря 12 дня 1850.

ЛАГЕРНЫЯ КАРТИНЫ.

Е

(Въ палаткѣ:) А сердце бѣдное.....

СВИТЕНЩИКЪ (за палаткой).

Кипишь!

ДЕНЬЩИКЪ.

Монеша мелкая, какъ женщина злодѣйка,
 Не долго и въ рукахъ надежныхъ наживешь!
 Ну, вспань ребромъ, моя послѣдняя копѣйка,
 Кошорую берегъ на денежный разводъ!
 Горячій! ходь сюда!

СВИТЕНЬЩИКЪ.

Вошь кипяшокъ!

ДѢВЬЩИКЪ.

Надей-ка!

По чѣмъ?

СВИТЕНЬЩИКЪ.

Есть въ разную цѣну;

А сбишенѣкъ, что-чай-швой чрезвычайнъ!

ДЕНЬЩИКЪ.

Не чоршъ ли самъ шебя занесъ брашъ на войну!

СВИТЕНЬЩИКЪ.

Какой-ше чоршъ! не чоршъ, Савельичъ, мой
хозяинъ. —

ДЕНЬЩИКЪ.

Что борода, видалъ Секимъ-Башку?

СВИТЕНЬЩИКЪ.

А какъ же! вишь! съ Каменскимъ мы ходили,
Въ Силиспру, подъ Рущукъ, да былъ въ Ба-
зарчику,

Пошомъ подъ Бащинымъ въ большомъ спра-
женьи были!

ДЕНЬЩИКЪ.

Эгэ! — шакъ шы брашъ послужиль?

СВИТЕНЬЩИКЪ.

Пяшь лѣшь все при одномъ полку былъ мар-
кишаншомъ,

Да при дивизіи годъ цѣлой; съ ней ходиль
Подъ Шумну, крѣпосшь за Балканшомъ....

II.

В О Е Н Н А Я   з а в и с т ь .

(Ночь, Офицеръ ѳдетъ верхомъ по лагерю.)

У насъ орудій вѣчный говоръ,

Свисшь ядеръ, пуль, да шрескъ гранашъ;

И наши головы шрещашъ;

А здѣсь, на полной кухнѣ, поваръ

Гошовишь Барину бифшшекъ!....

Какъ славно пахнетъ шеплымъ супомъ!....

А какъ бурчишь въ желудкѣ глупомъ!....
 Какъ нѣженъ здѣсь военный человѣкъ!...
 Подъ кровомъ парусныхъ палашокъ.
 Пріятные лешаюшъ сны;
 На всемъ здѣсь видѣнь оппечашокъ
 Довольсшвія и шишины!....
 И въ нѣгѣ шонешъ Эпикурсно!
 Но между шѣмъ, какъ говоряшъ,
 Гдѣ два фонарика горяшъ
 Найду—я главное Дежурссно.—(Пробъжаетъ).

(Изъ 2 части Странника.)

ТЕОРІЯ ПОКЛОНОВЪ.

У меня въ знакомствѣ ешь одинъ спаривъ, сердечно уважаемый всѣми, кошорые имѣюшъ удовольствіе пользо-вашься его пріязнію. Онъ замѣчаше-ленъ по многимъ отношеніямъ, и я не-напрасно занялъ бы вниманіе чишаше-ля, если бы вздумалъ описашъ почшен-наго Т.—Но шеперь эшо было бы дѣло шпороннее. Имѣя больше харакшера, чѣмъ сосшоянія, онъ не могъ сдру-жишъ ни своихъ правилъ, ни своихъ дѣйшвій съ шѣми, кошорыми управ-ляешся шощъ кругъ, куда судьба его примкнула. Впрочемъ онъ былъ еще

ешольно благоразумѣнъ, чшо во время замѣшилъ свою разнородносшь и увернулъся при первомъ благопріятномъ случаѣ.—Посшупокъ, въ кошоромъ, кажешся, онъ не имѣлъ причинъ расшавашься. » Не ошшпанешъ, шакъ ошшраняшъ, и не всегда вѣжливо « сшазалъ онъ мнѣ однажды, когда я сожалѣлъ, чшо онъ шакъ рано зарылъся въ глушь. Живучи, какъ ему казалось лучше, онъ сосшавилъ себѣ о нѣкошорыхъ предмешахъ особенныя поняшя, не совсѣмъ дружелюбныя съ приняшыми, но оригинальныя. Я люблю его слушашь, хощя и не прешшрасшилъ къ нему сшольно, чшобы видѣшь въ немъ оранула.

На дняхъ я засшалъ у него Межинскаго, молодаго человекъ со многими хорошими качесшвами, но съ вѣчными проэкшми обѣулучшеніяхъ и усовершеншвованіяхъ, и съ всегдашними горькими жалобами на неудачи. На

эшоу разв онъ былъ неушбшенъ: одна изъ самыхъ горячихъ его человѣколюбивыхъ зашбй лопнула, по словамъ его, ошъ наприза одного изъ его недоброхошовъ.

— Ты, брашъ, по пусшому жалуешься, сказалъ ему Т.— Ты забилъ себѣ въ голову, что дѣлашь дѣло и успѣвашъ одно и шоже. Дѣло дѣлай но, главное, не упускай и шого, ошъ чего и самое дѣло въ глазахъ людей сшановишся дѣломъ.

» Да, помилуйше, чтожь эшо шакое? . . . «

— Эшо, брашъ, подслуга, услуга, выслуга, или какъ хочешь назови, масшерство искашь и ошыскивашъ въ людяхъ. Безъ эшого масшерства, будьшы хошь семи пядей во лбу, и имѣй Богъ знаешъ сколько шаланшовъ, ничего не получишь кромѣ. . . рабошы. . .

» Ну, да вы сами масшерѣ ли эшаго дѣла, запряшавшись въ пусшыню, когда....

— Эшо шакѣ. Я никогда не могѣ сладишь сѣ моею грубою нашурою, чшо-бы пусшишь въ пракшику шу прекрасную, преосновашельную шеорію, кошорую давно ужѣ я сосшавилѣ изѣ удачѣ моихѣ знакомыхѣ. Вы знаете эшаго желшопицаго шощаго лѣншяя? — (Тушѣ онѣ назвалѣ одного изѣ своихѣ знакомыхѣ). Эшо кладѣ для моей шеоріи. Въ чемѣ онѣ не успѣлѣ? А я ужѣ не знаю, ешь ли другая человѣчья голова, въ кошорой было бы шакѣ мало мозгу. Люди неразсуждающіе, пожалуй, все приписывающѣ счастью. Нѣшѣ, друзья, масшерство... шеорія моя, кошорую я ужѣ болѣ шридцати лѣшѣ повѣряю... чужими успѣхами.

Сшарикѣ былѣ веселѣ. Мы просили его сообщишь намѣ глубокую его шеорію.

Т. приосамился. — Я еще не развила ее во всѣхъ подробностяхъ, но въ главныхъ чертахъ она давно уже у меня гошова. Да вамъ больше и не надобно: вы, молодежь, не то, что мы, — народъ воспрый: вамъ скажи только начало, основаніе... оспальное вы уже знаете лучше учишеля. Вошь, на примѣрѣ, взглянише...

Тутъ онъ прощянулъ было руку къ одному новому журналу, кошорый лежалъ передъ нимъ на столикѣ, исчерченный немилосердно; но мы упростили его опложись доказательсшва и начашь теорію.

— Такъ и бышь, сказалъ Т., и началъ: Руссо, написавшій много и вздору и дѣльнаго, первый, кажется, въ наше время доказывалъ, что человекъ въ первобытномъ своемъ состояніи ходилъ на чешверенькахъ. Истина сія слишкомъ ярна и для его, и для наше-

го вѣка, чтобы могла бышь принята безъ возраженій и шолковъ, но все таки она неменьше истина. Приспально взглядѣвшись въ человекѣна, вы много найдете еще въ немъ оснашковъ живошной натурѣ. Сколько времени человекѣна оснавался въ шомъ первобышномъ сосшоаніи — вопросъ для насъ шеперь посшоронній. У меня есть любопытныя обѣ эшомъ вычисленія; когда нибудь на досугѣ я вамъ ихъ понажу: шеперь ограничусь главнымъ. Искра небеснаго огня, зароненная въ эшу небольшую фигурку, не могла навсегда осшашься въ бездѣйствіи: но вѣчному сшремленію къ своему началу, она, мало по малу, порываясь къ верху, приподняла посшепенно голову человекѣна, ошвлекла его ошъ горизоншалнаго положенія и посшавила на заднія ноги. Тушъ онъ обозрѣлъ природу, и, имѣя на просшорѣ руки, далъ имъ во-

лю. Если бы я хошблб почванишься передь вами краснорбчиемб, шо, говоря о семб предметб, нашелб бы, что сказашь; но я васб избавлю отб эшой скуки. Скоро ли, долго ли, какб шлò, шолько мы шакб далеко зашли, что, какб я сказалб прежде, первобышное наше сосшоянiе намб кажешся ужè сказкою; и мы, выучившись обходишься во всбхб возможныхб случаяхб, отб важнаго марша до лешучаго вальса, парюю заднихб ногб, забыли свою начальную природу, и родныя чешвереньки счишаемб за вздорб и выдумку. Теперь, когда по разнымб причинамб и побужденiямб, мы находимся вб необходимости передь другимб гнушь спину, значишь: мы даемб ему ошупашь разницу между имб и нами; мы ошказываемся отб умшвеннаго уровня, на кошорый насб могла сб нимб посшавишь духовная наша нашура; зна-

чипѣ, что мы по той же прежней дугѣ приближаемся къ нашему первобытному сосшоюнію. Бѣльшее или меньшее число градусовъ обозначаетъ это приближеніе. Я вамъ укажу примѣровъ. Вы знаете К*, Ж* и О*; всѣ они усердно кланяюща Г*. Но размѣрьте: К* оспанавливаеца на 60 градусавъ; Ж*; гнеша до 80; а О* доходиавъ до еспешивенныхъ, первобытныхъ чешвереневъ. Кшо изъ нихъ авъ выигрыавъ — видиате сами. Оавъ чего шавъ, оавъ чего бѣльшее число градусовъ по живошной дугѣ всегда авъриавъе и ближе къ успѣху, я еце не могъ обавъясниавъ самому себѣ. Оавъ шого ли, что эавъшимъ преклоненіемъ мы шайно, но рѣшиавъельно лавъшимъ себавълюбовой напуравъ человека, или пошому, что всякому изъ насъ безонасавъе, покойнавъе и ошравъднавъе дѣйствовавъ на живошную, нежели на умшвенную природу, шравъ-

бующую всегда соображений и осторожнѣеши: шольно, какъ бы шо ни было, а я изъ многочисленныхъ опышовъ могъ заключишь, что даже у самыхъ умныхъ, благонамѣренныхъ людей чешвереньки надежнѣе ведушь къ успѣху, нежели послѣдующіе углы. Объ эшой грубой, дубовой напурѣ, кошорая или совсѣмъ, или мало способна для согнушія, и говоришь нѣчего: эшо опчаянная безнадежность. При эшой несчастной природѣ, будь шы хоть вшорой Соломонъ, ничего не добьешься. Пошому-шо зашпливые родишели, въ наше время, заранѣе, и собсшвенными примѣрами, и добрыми наспавленіями, зашояшся исправишь эшошъ ужасный недосшашокъ умсшвенной нашей природы. Наблюдая за людьми, вы легко замѣшише, что къ однимъ природа была въ эшомъ отношеніи милосшивѣе, нежели къ другимъ, снабдя ихъ ош-

лично гибкою спинною костью, способною съ чрезвычайною легкостью и проворствомъ, однимъ махомъ, опускашья до самой нижней почки первобытнаго сосоянія. Съ такими начесвами упругости, всѣ почти счастлилицы, развѣ какая нибудь уже особенная уродливостъ испортишь благодатную природу. За то другіе упражненіемъ достигаютъ удивительныхъ успѣховъ. Я часто не могъ безъ умиленія глядѣшь, какъ свободная воля человека самовласно поржешвуешъ надъ упрямою природою. Узнаю вамъ примѣръ. Вы знаете П. — Природа была во всѣхъ отношеніяхъ къ нему матица: поспуившисъ на умъ, она ущедрила его шѣлеснымъ сосавомъ. Чшожь? Рано поспигши шайну успѣховъ, онъ сдѣлалъ болѣе Демосѣена: шеперь онъ гибче нишоваго уса. Указалъ бы вамъ и другіе примѣры, но вы и сами не за-

спруднишесь замѣшишь ихъ: оглянишесь. Подобныя явленія меня чрезвычайно радуютъ и утѣшаютъ: они доказываютъ мощь нашей воли, освобождающей насъ, въ случаѣ нужды, отъ скучной зависимости нашей умственной природы, которая часто не ладитъ съ существующимъ порядкомъ вещей. Но это преклоненіе, друзья мои, есть только внѣшняя, видимая сторона моей теоріи. Если бы требовалась одна она, то въ ней не было бы и особенной мудрости: съ самымъ ходильнымъ умомъ незашруднительно было бы расчесать, когда надобно гнутья въ крюкъ, или гдѣ доспашочно будешь и формы складнаго ножа. Но это, я вамъ сказалъ, только однѣ начала. Съ бѣльшею обдѣлкою ума, люди не довольствуются одною наружносцію; корка шерсть не обольстительна; доискиваются глубины; проникаютъ въ

сущность: а пошому вшорая часпъ моей шеоріи, внушрєнная, несравненно запушаннѣе, многосложнѣй. Тушъ нѣшъ уже напуры: шушъ все дѣло искусствва, созданнаго временемъ, подѣ вліаніемъ тысячей различныхъ обшюяшельсшвъ и случаевъ; хошя, замѣчашельно, въ эшой часпи шеоріи немного обшчихъ правилъ: вся мудрость въ приложеніи оныхъ, шребующемъ соображеній почши сверхъ ешественныхъ. Эшо, друзья мои, нравсшвенное, внушрєнное преклонєніє: умѣнье во время, кшшапи, въ надлежащей степєни, ошсшупишься ошъ ума, совѣсши и чесши предѣ шѣмъ лицомъ, въ кошоромъ мы ищемъ. Начнемъ съ ума. Надобно ошъ души увѣрывать въ шо, что люди, кошорымъ судьба назначила сшупєньки выше нашихъ, во всѣхъ умсшвенныхъ ошношеніяхъ совѣмъ другой природы,

нежели мы. Поняшія ихъ шире и бысшрѣ, знанія свѣдѣ и чище, сужденія дальновиднѣ и глубже. И пошому, Боже упаси ошъ глупосши спановишься съ ними въ одинъ уровень. Напрощивъ, если вы имѣете дѣло съ челоуѣкомъ, кошорый вѣришь, что онъ уменъ (а кшоужъ эшому не вѣришь?), шо вамъ надобно будешъ свой умъ согнушь, пригнушь и загнушь, елико онъ въ сосшояніи вынести, ниже. Не забудьте, что чѣмъ ярче опразишся висоша ума вашого покровишеля въ измѣнномъ смиреніи ума вашого, шѣмъ успѣхъ вѣрише. Доказашельсшвъ, думаю, не пошребуете. Я рѣдко ошибался въ моихъ заключеніяхъ, когда видѣлъ, что какой нибудь горячка совался съ своимъ умомъ на одну доску съ челоуѣкомъ знашнымъ: люди благоразумнѣ и снисходительнѣ, нежели какъ обыкновенно обѣ ихъ думающъ:

они ославляющѣ въ покоѣ подобную голову; дающѣ ей время оспышь, чюбы ея безпокойная дѣшельность не вспревозмогла шихаго порядка, усшановленнаго вѣковыми правилами моей шеріи. Правила при самоощрицаниі со-вѣщи почти шѣже. Человѣкѣ, въ ко-шоромѣ вы ищете, и кошорой почи-таешѣ нужнымѣ шолковашѣ сѣ вами о своей совѣщи, имѣешѣ ея исклю-чительно передѣ вами. Вы вашу заду-шите вѣ его присушшвіи. Надобно оощушительно дашѣ ему почувшвовашѣ, чшо эша завидная нравшвенная кра-соша ни коимѣ образомѣ не можешѣ украшашѣ какую нибудѣ прощоварод-ную душу. Послѣ, когда подобное сознаніе произведешѣ ожидаемья ло-слѣдшвія, вы можете ужѣ имогда за-говоришѣ и о своихѣ правилахѣ. Въ счасшію, эщо бываешѣ почти не ну-жно: изѣ всѣхѣ бесѣдѣ самая оушчѣи-

шая о честности и правилахъ. Пришомъ, если вы взяли сполько власши надъ собою, что могли при первомъ приемѣ совѣсть свою заспавишь молчашь, но она рѣдко послѣ сего получаешь оняшь голосъ: операція бываешь рѣшишельна; за нею наступаешь вѣчная нѣмоша, съ кошорою и намъ и другимъ уживчивѣе. Бываюшъ и другіе случаи. Вы нерѣдко вспрѣише людей, надъ копорыми чѣмъ менѣе совѣсть власна, шѣмъ они съ бѣльшею охошою полкуюшъ объ ней. Добиваясь чего нибудь у подобныхъ людей, надобно бышь оснорожнымъ; шушь надобенъ вѣрный взглядъ, чтобы не ошибишься. Если у нихъ совѣсть дѣйствительна слабонервна, то вы можеше въ рѣшишельныхъ выраженіяхъ имъ гармонировашь. Наблюдая въ эшомъ случаѣ съ строгостію видѣ неподозрѣваемой просшошы, въ успѣхъ со-

миѣвашься нѣчего. Людямъ съ оборванною совѣсью нѣшъ ничего приащнѣе, какъ убѣдишь другихъ въ ея цѣлосщи. Понявши всю обширносшь сего положенія, вы удобно ужé можете гнуть его съ успѣхомъ въ различныхъ случаяхъ. Оно вамъ доставишь вѣрное руководсво, какъ надлежишь веси себя съ набожною совѣсью чловѣка, обыгравшаго родныхъ брашьевъ, пущившаго по міру нѣсколькo семействъ; съ чувствительнымъ филантропомъ, у котораго безпрестанная переписка объ исправленіи людей съ Честнымъ Приславомъ; съ какимъ нибудь сельскимъ экономомъ, который привыкъ вѣрѣе жать по ручнымъ закладамъ, нежели на пашнѣ. Но важнѣйшіе успѣхи приобретающя опущупленіемъ отъ чесши. Надобно зараѣе подчинишь свободному произволу эшошъ гошическій ошашокъ на-

шихъ поняшій. Чшо такое чесшь? Больше или меньше общеприняшое поняшїе обв извѣсшныхъ дѣйсшвіяхъ, предмешахъ, средсшвахъ. Не смѣшно-ли жь изв упрямсшва, придавая пусшому звуку шощь или другой колеръ, жершвовашь реальными, вѣсомыми выгодами. Вв нашъ свѣшлый вѣкв прочисшились многія идеи. Разсудишельный человѣкв не запнешя шеперь обв какое нибудь щекосшливое сомнѣнїе. Тó ишшино чесшно, чшо ведешь вѣрнѣе кѣ цѣли: успѣхъ облагороживашь и средсшва. Вошъ великая ишшина, дошорая наводишь яркую чершу различїя между общесшвенною нравсшвенношїю нашего вѣка и вѣка нашихъ бабушекъ. Тогда нѣкошорые шолько, боязливо, сею ишшиною пользовались; у насъ же она получила всеобщношть, шѣмв болѣе прочную, чшо, не смощра на все ея влїянїе шайное и явное, она

и не замѣтна, или, по крайней мѣрѣ, не возбуждаетъ ничьего вниманія. И пошому, имѣя нужду въ комъ нибудь, первое: займишесь анализомъ его *человѣческихъ* качествъ, или, попроси, эсихъ маленькихъ недоспашковъ, нравственныхъ прорѣхъ, копорыхъ пропасъ въ самомъ лучшемъ изъ людей. Такова шкань нашей природы: одному, на примѣръ, съ большимъ умомъ, прекраснымъ характеромъ, великодушіемъ, присягнешъ она излишнее раздраженіе нервъ, шемпераменшъ попылче. . . золшое свойство для искашеля; другому — щекшшливое самолюбіе; шрешьему. . . ну, да каждому что нибудь свое. Искусство въ шомъ, что бы опкрышь эшу сговорчивую склонность, опдѣлишь ее опъ другихъ элеменовъ разнородныхъ, и исключишельно заняшья ее улевліваніемъ. Дѣло при эшомъ, копорое по на-

роднымъ понятіямъ счищается главнымъ, какъ то: обязанность, должность, служба, осматривается только прибавочнымъ занятіемъ, оболочкою главного. И разглядите, какая поразительная разница между шѣми, копорые приобрѣли истинное понятіе о вещахъ, и шѣми, копорые поняли наизворотѣ! Сдѣлайте выборъ вамъ, послѣ этого, будетъ уже неспрудно. Избравши же наспоющую дорогу, надобно приспособить себя такъ, чшобы *человѣческое свойство* нашего папрона нашло въ сущности нашей напуры свое упокоеніе, опраду, опору; чшобы она, не стѣсняясь, могла развиваться во всей своей непринужденности, безъ чего самыя наши кровныя пожертвованія не сдѣлають изъ насъ необходимости. Еще замѣшите надобно, что на этой дорогѣ нѣшь ничего завѣшнаго: и чѣмъ шы болѣе Авраамъ, шѣмъ вѣрнѣе въ выигрышѣ. Я зналъ... —

Пробило шесть часовъ, мнѣ надобно было ъхать въ одно, собраніе, гдѣ я не разъ улыбнулся, припоминая теорію почтеннаго Т.

В. Андроссовъ.

О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШИЛЛЕРА

СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ (одинъ).

Возможно ли? Я не могу исполнить

Чего хочу? Не смѣю опказаться?

Я долженъ къ дѣлу прислуцишь шеперь

За шѣмъ, что думалъ нѣкогда о немъ,

Что не бѣжалъ отъ искушеній, сердце

Пишалъ мечшой; что на невѣрный подвигъ

Я запасался средшвами, и пушь

Очищенный, свободный пригошвилъ?
 Клянусь Всесильнымъ Богомъ! Никогда
 Намъренья рѣшипельнаго я
 Не принималъ! — Я эшу мысль лелѣялъ
 Въ моей душѣ — богашсхва и свобода
 Меня прельщали. Тяжкая ль вина,
 Чшо царскою я шѣшился надеждой?
 Не осшавалась ли въ моей груди
 Ни чѣмъ еще нескованная воля?
 Не близъ себя ль я видѣлъ правый пушь,
 Кошорымъ къ долгу возврашиться могъ?
 Кудажъ внезапно завлечень я нынѣ?
 Обращный пушь мнѣ заграждень спѣною;
 Изъ собсшвенныхъ моихъ воздвигшись дѣлъ,
 Огромной мнѣ она препоной спала. . . . .

(Погружается въ глубокую задумчивость.)

Виновнымъ я кажусь, и чшобъ ни дѣлалъ
 Не оправдаюсь: обвинишель мой
 Двусмысленный до нынѣ образъ жизни,

И — самыхъ чистыхъ дѣлъ источникъ чистый
 Оправитъ подозрѣнье. Будь я шѣмъ,
 Чѣмъ прослылъ, будь предашемъ, — наруж-
 носпъ

Невиннаго спарался бь сохранишь,
 Гуснымъ бы я себя одѣлъ покровомъ
 И не ропшалъ. Но въ швердомъ увѣренъи,
 Чшо не шаю въ душѣ преспуцныхъ мѣръ,
 Чшо я невиненъ, ропошу, спрасшямъ
 Даль волю; злomu непричастный дѣлу
 Я былъ и смѣлъ и дерзокъ на рѣчахъ.
 Теперь, все шо, чшо дѣлалъ я безъ дѣла,
 Припишущъ къ цѣли ошдаленной, шайной,
 Предвидѣнной; все чшо въ порывѣ гнѣва
 Въ веселыя минушы говорилъ
 Ошъ полношы души я, ошкровенно,
 Въ шкань хипрую сплешущъ; прошивъ меня
 Ужасное сосшавяшъ обвиненье,
 Передъ кошорымъ долженъ я молчашъ.

Такъ въ собшвенной запушался я сѣши ;
Одно насилье разорвешь ее. . .

(Снова умолкаетъ.) —

Инаго средсва нѣтъ ! на подвигъ смѣлый
Свободный духъ меня донынѣ влекъ ,
Теперь спасашь себя повелѣваешъ
Необходимости суровый гласъ.

Важна , спрашна подобная минуша :

Дрогнешъ рука невольно, опускаясь

За жребіемъ въ шамисивенную урну

Судебъ ! — Намѣренье , шаясь въ груди

Еще мое , но на чужбину жизни

Изъ сердца , шихой родины своей

Однажды излеши , принадлежишь

Уже духамъ коварнымъ и лукавымъ ,

Со смершными во вѣкъ непримиримымъ :

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ сильномъ волненіи и вновь задумливо останавливается.)

И что ты предприемлешь ? Самъ себѣ

Ты опдалъ ли опчешь подробный? Хочешь
 Поколебашь Свяшую власшь Преспола,
 Кошорая освящена вѣками,
 Въ сердцахъ покоишся; съ кошорой
 Соплешена опъ колыбели вѣра
 Народовъ, шысячьи упругихъ корней. —
 Не ровныхъ силъ борьба начнешся, нѣшь:
 Такой борьбы я не боюсь; я спану
 Безъ шрепеша прошивъ врага, когда
 Могу его окинушь глазомъ, видѣшь
 И мужеспвомъ его воспламенишься;
 Но я боюсь шайнаго врага;
 Онъ на меня въ сердцахъ людей возшпанешъ;
 Безжизненный, бессильный, робнй, онъ
 Одинъ лишь можешъ успрашишь меня;
 Его, опаснаго, боюсь я!

Ничшожное, но вѣчное *всера*

Осперегашь приходишь человѣка

И важень каждый день его совѣшь.

Самъ челоуѣкъ ничшожное созданье :

Кормилицей привычку онъ зовешъ ,

И горе , кшо коснешся до наслѣдья ;

Его опцовъ, до рухляди спаринной !

Года и вѣки освящающъ все.

Богошворимъ, чшо убѣлило время. —

(Вошедшему пажу.)

Кшо шамъ? Полковникъ Шведскій? Пущь

взойдешъ !

*(Пажъ уходитъ, Валленштейнъ задумчиво
устремляетъ взоры на дверь.)*

Еще порогъ не оскверненъ ! — еще

Къ нему не прикасалось пресшупленье. —

Вопъ какъ узка граница межъ двумя

Пушями жизни ! —

А. Шишковъ.

П Р О С Т И .

Не возбуждай моей поски ,
На мигъ записшаго спраданья ,
Пожашьемъ шрепешнымъ руки ,
Печальнымъ словомъ разшаванья .

Безцѣнный другъ , забудь , забудь ,
Чшо завшра намъ проспшсья должно !
Сего дня счасшливою будь ,
И будь веселой , если можно .

О , будь по прежнему рѣзва
Какъ въ дни обманчиваго счасшья ,
Когда въ успахъ швоихъ слова
Звучали нѣгой сладосшрасшья .

Взгляни ! съ висоць небесъ луна
 Такъ ясно свѣщипъ, дышущъ розы. . .
 Но ты безмодвна, ты блѣдна ,
 И сквозь улыбку блещущъ слезы.

Чуть слышно сжатіе руки ,
 Безъ чувства хладное лобзанье ;
 Не пробуждай моей шоски
 Печальнымъ словомъ распаванья !

О, дай на милья чершы
 Вглядѣшься мнѣ въ суровой долѣ ;
 „Люблю щебя ! “ промолви ты ,
 Когда сказашь не можешь болѣ.

Сей звукъ грусть сердца усладишь ,
 Напомнишь мнѣ въ чужбинѣ дальной
 И блѣднось помную ланишь ,
 И взглядъ задумчиво-печальной.

Ознобщикъ.

СИРОТКА.

О Сиротка! другъ мой милый!
Не грусти въ своей судьбѣ:
Въ одинокой и унылой
Жизни ешь приютишь себя.
Кто лишь сердце здѣсь имѣешь,
Тотъ тебѣ отецъ и мать;
Кто здѣсь чувствовалъ умѣешь,
Радъ тебѣ хоть помогать.
На зарѣ своей пишайся,
Ты ученіемъ свящымъ;
Въ свѣтѣ жишь приготавлишя;
Вѣрь, что не забышь ты имъ.
Не спрашисъ коль встрѣшишь бури;
И счастливецъ видишь ихъ;

Гаснешь часно блескъ лазури
Въ ясныхъ облакахъ своихъ : —
Въ совѣсти все наше счастье ;
Будь лишь чистъ душой своей ;
Въ дни шуманны и ненастье
Будешь другомъ ты людей.

С. Глинка.

И М Е Н А

Г о с п о д ь   п о д п и с а в ш и х с я .

Экз.

1. Араповъ Пимень Николаевичъ	5 р.
1. Арнаушовъ * *	5 —
1. Арапешовъ Яковъ Исаевичъ	5 —
1. Булаховъ Андрей Андреевичъ	5 —
1. Бѣгичевъ Дмишрій Никишичъ	5 —
1. Блудовъ Василій Николаевичъ	5 —
1. Богдановъ Василій Ѳедорсвичъ	5 —
1. Баршоломеусъ Ольга Ивановна	25 —
2. Варшонъ * *	20 —
1. Вейдель Павелъ Андреевичъ	10 —
1. Войниковъ Тигрій Григорьевичъ	5 —
1. Волшашисъ Иванъ Юрьев.	5 —
1. Волкова Екашерина Андрѣевна	10 —

6. Воронцовъ-Вельяминовъ Евграфъ	
Николаевичъ	30 —
1. В. Ф. Щ.	5 —
1. Гагаринъ Павелъ Павлов. Его Сіяш.	10 —
2. Ганненковъ Пётръ Теренсьевичъ	15 —
1. Граженскій Вишилій Кириаковичъ	5 —
1. Гроздова Варвара Алексѣвна	5 —
1. Губановъ * *	5 —
1. Давыдова Прасковья Николаевна	25 —
1. Давыдовъ Василій Васильевичъ	10 —
1. Деменсьевъ Иванъ Прохор.	5 —
1. Дмишріевъ Иванъ Ивановичъ	5 —
1. Домонъ Любимъ Ивановичъ	5 —
1. Евреиновъ Александръ Григор.	5 —
1. Елиспрашовъ Иванъ Алексѣевичъ	5 —
1. Есипова Марья Пешровна	10 —
1. Е. А. Г.	5 —
2. Желшухинъ Николай Николаевичъ	10 —
2. Жерарди * *	10 —

1. Жишовъ Павелъ Пешровичъ	5 р.
1. Зайцовъ Иванъ Алексѣевичъ	5 —
1. Зиминъ Лука Павловичъ	10 —
1. Золошухинъ * *	5 —
1. Ильинъ * *	5 —
1. И. Г. Ф.	5 —
1. Кавалинская Софья Спешановна	5 —
1. Каменецкій Тишь Алексѣевичъ	5 —
1. Канунникова Евгенія Θεодоровна	7 —
1. Каневскій Павелъ Григорьевичъ	25 —
1. Карновичъ Гаврило Спешановичъ	5 —
1. Каршашевъ Григорій Дмишрїевичъ.	5 —
1. Кичеевъ Пешръ Григорьевичъ.	5 —
1. Клаузенъ Иванъ Ивановичъ	5 —
1. Кожинъ * *	5 —
1. Козловъ Пешръ Ивановичъ.	10 —
1. Кекуашова Кн. Елена Михайлов.	5 —
1. Кишенская Варв. Николаевна	10 —
1. Кологривова Елисавета Лукинична	5 —

1. Колокольниковъ Павелъ Иванов.	5 р.
1. Кондрашевъ Павелъ Иван.	5 —
1. Кони О. А.	5 —
1. Коренной Москвичъ изъ Спбурга	50 —
1. Коровкевичъ-Базилевичъ * *	5 —
1. Крейцеръ * *	5 —
1. Крылова Александра Михайловна	5 —
1. Крыловъ Алексѣй Николаевичъ	5 —
2. Кугушевъ Васил. Михайл. Его Сіаш.	10 —
1. Куманинъ Александръ Конспан.	5 —
1. Куманинъ Конспаншинъ Алексѣев.	50 —
1. Кушковскій Игнашій Максимов.	25 —
1. Кушнерева Варвара Марковна	5 —
1. К. О. М. Л. Р.	5 —
1. Львова-Синецкая Мар. Дмишр.	5 —
1. Львовъ Федоръ Ивановичъ	5 —
1. Лубеновская Наспась Федоровна	10 —
1. Макаровъ * *	5 —
1. Максимовъ Павелъ Дорофеевичъ	5 —

1. Максимовъ Яковъ Васильевичъ	5 р.
1. Мешелкинъ Пешръ Иванъ.	5.—
1. Михайловъ Михаилъ Ивановичъ	5 —
1. Моллеръ Осипъ Францовичъ	5 —
1. Молчановъ Александръ Ивановичъ	5 —
1. Мякишевъ Иванъ Васильевичъ	5 —
1. М. О. Ц.	5 —
1. Назимовъ Михаилъ Леоншьевичъ	5 —
1. Неизвѣсшнѣй	10 —
1. Неизвѣсшнѣй	5 —
1. Неизвѣсшнѣй	5 —
1. Неизвѣсшнѣй.	20 —
1. Неизвѣсшнѣй.	9 —
1. Неизвѣсшнѣй.	5 —
1. Неизвѣсшнѣй	5 —
1. Неизвѣсшнѣй	5 —
1. Неизвѣсшнѣй.	6 —
1. Неизвѣсшнѣй	5 —
1. Неизвѣсшнѣй	20 —

1. Некрасовъ Гаврило **	5 р.
4. Никишинъ * *	10 —
1. Никифоровъ * *	5 —
1. Новомлинскій Николай Иван.	5 —
1. Носовъ Василій Николаевичъ	5 —
1. Н. К.	5 —
1. Окуловъ Порфирій Машвѣвичъ	10 —
1. Ожерналь Илья Богдановичъ	5 —
1. Пешровъ Андрей Пешровичъ	5 —
1. Писаревъ Александръ Алакサンドров.	5 —
4. Пинскій М. М.	5 —
1. Полеваева Марья Захаровна	5 —
1. Полеваевъ Василій Андрѣвичъ	5 —
1. Поляковъ Василій Васильев.	5 —
1. Поляковъ * *	5 —
1. Поповъ Василій Ермиловичъ	5 —
1. Поповъ Пешръ Пешровичъ	5 —
1. Пошѣхинъ Аркадій Львовичъ	5 —
1. Прокоповичъ-Аншонская Фед. Мих.	5 —

1. Псаковъ Александръ Николаевичъ	5 р.
1. Пурлевскій Василій Михайлов.	5 —
1. Пусшошкинъ Семень * *	10 —
1. Пучковъ Павелъ Леоншьевичъ	5 —
1. Рас...ская Любовь Ник.	5 —
1. Резвый * *	5 —
1. Рудинъ Пешръ Михайловичъ	5 —
4. Рудневъ Максимъ Ѳедоровичъ.	5 —
1. Римской-Корсаковъ Никол. Пешр.	10 —
1. Руссова Аксинья Ивановна	5 —
1. Рѣдкинъ Аполлонъ Михайл.	5 —
1. Рюминъ Алексан. Гавриловичъ	5 —
1. Самаринъ Ѳедоръ Васильевичъ	5 —
1. Сашшерукъ Яковъ Николаевичъ	5 —
1. Селивановъ * * *	5 —
1. Селивершова Екашерина Лавренш.	5 —
1. Селецкій Василій Михайловичъ	5 —
1. Сессаревскій Иванъ Марковичъ	5 —
1. Сенявинъ К. С.	10 —

1. Скабершинъ Маршынъ Ивановичъ	5 р.
2. Смирновъ Николай Ѳедоровичъ	10 —
1. Соколовъ Тимоф. Егор.	5 —
1. Сольданъ Вѣра Яковлевна	10 —
1. Солнцовъ Пешръ Александровичъ	10 —
1. Сшылыпинъ Аркадій * * *	5 —
1. Сухановъ Михаилъ Дмипріевичъ	5 —
1. Сырейщикова Вѣра Ивановна	10 —
1. Сычевскій Иванъ Алексѣевичъ	5 —
1. Ташариновъ Александръ Сергѣев.	5 —
1. Ташищева Елена Александровна	5 —
1. Толмачевъ * *	5 —
3. Гг. Троицкины	30 —
1. Трубецкой Иванъ Никол. Его Сіяш.	5 —
1. Тулиновъ Вас. Яков.	5 —
1. Тулиновъ Дмипрій Ивановичъ	5 —
1. Усачевъ Гр. Ив. имъ пожертвовано бумаги на	200 —
1. Ушаковъ * * *	5 —

1. Филишовъ Иванъ Никиш.	10 р.
1. Фондерицъ Григорій Ивановичъ	10 —
1. Фундуклеева Анна Ефимовна	25 —
1. Чаплыгина Екашерина Григорьевна	5 —
1. Чершковъ Дмишрій Васильевичъ	5 —
1. Чешвериковъ Дмишрій Иван.	20 —
1. Шаховъ Николай Андреевичъ	5 —
1. Шмбаева Марья * *	5 —
1. Шумовъ Павелъ Ивановичъ	5 —
1. Шумовъ Николай Ивановичъ	5 —
1. Щербашовъ Н. А. Его Сіяшельш.	5 —
1. Щукинъ Николай Александ.	5 —
1. Щепошьева Анна Аркадьевна	5 —
1. Щегловъ Павелъ Андреевичъ	10 —
1. Эльзницъ Баронесса Марья Карлов.	5 —
1. Юсуповъ Афанасій Пешровичъ	5 —

